

Levitskii, Valerii
O liubvi k otechestvu

ВАЛЕРІЙ ЛЕВИТСКІЙ.

„О ЛЮБВИ КЪ ОТЕЧЕСТВУ И НАРОДНОЙ ГОРДОСТИ".

(БЕСѢДЫ).

ЦАРЬГРАДЪ.

1921 г.

Свѣтлой памяти „Неизвѣстнаго" русскаго офицера, напоившаго своею кровью родную землю въ дни героической борьбы съ краснымъ дракономъ.

I.

ВМѢСТО ПРЕДИСЛОВІЯ.

«Безъ какого то внутренняго, большого процесса все равно ничего не будетъ. Хоть бы орденъ какой народился», говорилъ В. В. Шульгину генералъ А. М. Драгомировъ въ ночь на 1-ое января 1920 г.*

Въ 1921 году на чужбинѣ эта мысль получаетъ всеобщее признаніе.

Свѣжіе ростки новой русской мысли дѣлаютъ первыя пробоины въ заржавленной бронѣ старыхъ интеллигентскихъ предразсудковъ. Русскіе люди учатся смотрѣть правдѣ въ глаза.

Поставленная «у послѣдней черты» русская молодежь съ лихорадочнымъ напряженіемъ работаетъ надъ завершеніемъ своего образованія.

Стремленіе хоть какъ нибудь удовлетворить культурные запросы все болѣе и болѣе охватываетъ русскіе бѣженскіе круги.

*)см. „РУССКАЯ МЫСЛЬ" 1921 кн. 3.—4.

«Живемъ кружкомъ», «есть своя группа», «устраиваемъ братства», «вмѣстѣ думаемъ о Россіи», вотъ что слышишь по лагерямъ, общежитіямъ, даже на палубѣ пригороднаго парохода отъ русскихъ гражданъ Константинопольскаго періода нашей исторіи. Всюду издаются рукописные журналы*), сборники, организуются читальни, аудиторіи, регулярно собираются, чтобы вслухъ подумать о случившемся.

Прежнія разногласія и еще недавно казавшіяся непреодолимыми противорѣчія постепенно теряютъ свою остроту. Ломая всѣ препятствія, преодолѣвая лѣнь ума и усталость сердца, постепенно объединяетъ русскихъ людей, «любовь къ отечеству»,и преданность тому, что составляетъ предметъ «народной гордости». Мы присутствуемъ при первыхъ попыткахъ разработки и обоснованія новаго міросозерцанія, въ основу котораго будутъ положены свѣтлыя идеи творческаго націонализма.

Дай Богъ, чтобы процессъ освобожденія русской мысли отъ книжныхъ выдумокъ, такъ называемыхъ лѣвыхъ, а по существу глубоко реакціонныхъ, «властителей думъ», завершился, какъ можно скорѣе.

Въ основу этой книги положены бесѣды съ друзьями на прогулкахъ по Константинополю и мои статьи «О Государственномъ Націонализмѣ» изъ газеты «Великая Россія», выходившей подъ моей редакціей въ дни гражданской войны въ Екатеринодарѣ, Ростовѣ, Новороссійскѣ и Севастополѣ.

Турція.

Остр. Халки.

Іюль—Августъ.

1921 г.

———————

*) Среди нихъ „Развѣй горе въ чистомъ полѣ“, издающійся въ Галлиполи, выдѣляется талантливыми рисунками и остроумными каррикатурами.

I

ВЪ ТУМАНѢ.

Въ ясное лѣтнее утро, когда солнышко только что принялось усердно золотить темно лиловыя верверхушки холмовъ на азіатскомъ берегу, откуда то спустился на море противный туманъ, злой насмѣшнокъ надъ маленькими, жалкими людьми. Одиноко сіяла вымытая росой полоска земли, но скоро и ее затянула одноцвѣтная, непроницаемая мгла. Все сразу замерло. Почти смѣшными, одинаково безпомощными стали вдругъ и огромныя стальныя чудовища и только что бѣжавшая на всѣхъ парусахъ маленькая красавица яхта. На нашемъ пароходѣ забезпокоились. Надрываясь отъ хриплаго крика, безпрестанно останавливаясь, попробовали медленно ползти впередъ. Дикій вой сиренъ, свистковъ и колокольной дроби несся со вѣхъ сторонъ.

Черезъ полъ часа выбились изъ силъ и бросили якорь.

— Точно въ банкѣ сгущеннаго молока сидимъ, шутилъ одинъ изъ нашихъ спутниковъ.

— Да, шутка препоганая, все перепуталъ, поддержалъ его полковникъ.

— Не привыкать, всю жизнь такъ бродимъ, вдругъ желчно отозвался художникъ.

Всѣ насторожились.

—Да я и на морѣ то никогда не бывала, запротестовала его сосѣдка.

— Это ничего не значитъ, не унимался художникъ, и въ Москвѣ ухитрялись купаться въ такой же холодной гадости, услужливо изготовленной по рецептамъ иностранныхъ спеціалистовъ. Какъ нашъ капитанъ, дальше своего носа не видѣли и хлопали глазами въ ядовитомъ туманѣ бездушныхъ, книжныхъ теорій...

Эхъ, да то ли еше было..., съ горечью прибавилъ онъ. Вспомнить страшно!

— Голубчикъ, не надо, успокаивалъ, подсаживаясь къ нему офицеръ. Зачѣмъ вспоминать толпу «начитанныхъ глупцовъ, лакеевъ мыслей благородныхъ» Многіе кровью заплатили за свое безуміе, а уцѣлѣвшіе выздоравливаютъ. Не будемъ ихъ трогать.

— Она сейчасъ себѣ носъ раскваситъ, перебила его неожиданно одна изъ дамъ, указывая направо, Смотрите!

Всѣ обернулись.

У самаго борта откуда то вынырнула нелѣпая морда огромной турецкои фелюги.

Два джентльмена въ фескахъ изступленно кричали, безтолково размахивая баграми.

— Милюковъ и Керенскій, такіе же неудачники.. засмѣялся художникъ..

Страшный трескъ оборвалъ его фразу.

Общими усиліями удалось фелюгу оттолкнуть, и напутствуемая громкими ругательствами, она медленно уползла въ бѣлую муть тумана.

— Дешево одѣлалась, съ оттѣнкомъ нѣкотораго неудовольствія замѣтилъ полковникъ.

— У насъ не такъ. Будемъ стоять на мертвомъ якорѣ до тѣхъ поръ, пока измученную и опустошенную душу русскаго человѣка не окропитъ живая вода новаго бодраго, національнаго, міросозерцанія...

Пока не вспомнимъ:

„Отчизну, совѣсть, честь и многія другія,
забытыя слова...“

— поддержалъ его художникъ. А сейчасъ приходится и турецкой фелюгѣ - завидовать, куда то все таки побрела, а мы стоимъ.

— Экую на васъ тоску туманъ нагналъ, вмѣшался въ разговоръ нашъ инженеръ. Полноте, господа. Присмотритесь, любовь къ Россіи крѣпнетъ, стихійный порывъ національнаго чувства близокъ, онъ станетъ источникомъ государственнаго творчества. Унывать некогда. Для всякаго, кто не порвалъ связи съ родиной — работы по горло. Вѣдь сѣрые и грязные люди осквернили своими нечистыми руками наши русскія бѣлыя мысли.

— Да мы на готовенькое и не разсчитываемъ, бодро согласился полковникъ Довольно великодушныхъ подарковъ отъ безкорыстныхъ друзей. Все ни къ чему. коротко, узко, да и цвѣтъ дикiй. На улицу показаться стыдно.

Всѣ улыбнулись.

-- Объ этомъ не безпокойтесь, больше ничего не дадутъ, отозвался на шутку инженеръ. Но я говорю совершенно серьезно, продолжалъ онъ. Большевики продѣлываютъ все, что имъ полагается по штату, съ такой колосальной быстротой, что я боюсь у насъ не хватитъ времени на необходимую подготовку.

Чего другого, а времени у насъ достаточно, несогласился полковникъ.

— Не говорите, настаивалъ инженеръ. Силы русскихъ разбиты, а жизнь требуетъ, чтобы была произведена огромная работа. Мы должны реабилитировать искаженныя нацiональныя идеи, словомъ и дѣломъ укрѣплять въ русской средѣ благоговѣйную и дѣйственную любовь къ родной церкви, культурѣ, государству. къ русскому искуству и быту...

— Вѣрно, вѣрно, восторженно подхватилъ художникъ, — только, искуство прежде всего: лишь утонченная чуткость къ родной красотѣ очиститъ насъ отъ лѣзущей со всѣхъ сторонъ пошлости. Русское искуство бодритъ, наполняетъ души крѣпкой вѣрой въ свѣтлое будущее создавшей его Великой Страны.

— А вѣдь туманъ то расходится, закричалъ кто то по русски на носу парохода. Дѣйствительно плотная масса начинала понемногу слоиться Даль по прежнему все еще пряталась отъ человѣческаго глаза, но вблизи туманъ сдалъ уже рядъ позицiй и мутно-зелеными полосками всюду просвѣчивало море. Скоро застучала якорная цѣпь и мы осторожно, все еще не переставая давать свистки, двинулись.

— Дастъ Богъ скоро тронется впередъ и Россiя, обронилъ художникъ. — Сперва вотъ такъ, ощупью, а затѣмъ все быстрѣй и быстрѣй. Неправда - ли господа?

Ему никто не отвѣтилъ. Слова были лишними. Сомнѣній небыло. Не могло быть.

Туманъ таялъ. Какъ въ сказкѣ откуда то изъ подъ земли поднималась несравненная рѣзьба мечетей, дворцовъ и вышекъ великой столицы.

Высоко къ небу тянулись красавцы минареты. О могуществѣ чужого запада разсказывала громада Галатской башни. Налѣво чернѣла въ небѣ нестройная толпа зданій стараго Сераля.

Быстрыми, рѣшительными ударами прогоняло солнышко послѣдніе остатки вражескихъ полчищъ. Черезъ десять минутъ все кругомъ сверкало и переливалось.

На небѣ не осталось ни тучки. Ярко голубой овалъ выдвигалъ впередъ чудесный городъ, къ которому мы шли полнымъ ходомъ.

Сине-зеленая поверхность спокойнаго моря быстро затягивалась бѣлымъ лакомъ и начинала слѣпить глаза.

А надъ всѣмъ гордо царилъ Великій Храмъ Премудрости Бога Любви „Страна Живыхъ“, упиравшійся въ небо своей гигантской Шапкой Мономаха.

Радостно замирало сердце. Въ душѣ глубоко, навсегда укрѣплялось сознаніе чудеснаго воскресенія Великой Россіи.

———————

III.

У СТѢНЪ.

1.

Сегодня цѣлый день бродили у Константинопольскихъ стѣнъ.

Здѣсь такъ хорошо. Глубоко въ прошлое уходитъ мысль, когда стоишь среди этихъ величавыхъ царственныхъ громадъ.

Еще въ трамваѣ намъ докторъ разсказалъ содержаніе новой работы акад. Ростовцева о происхожденіи Кіевской Руси. Исторія Россіи много старше исторіи славянскихъ племенъ. На Днѣпрѣ. Дону и Кубани культурная жизнь началась въ доисторическій періодъ.

Проходили вѣка, тысячелѣтія. Создавались государства, гибли, на ихъ мѣстѣ выростали новыя, а культурное и экономическое единство великой равнины осталось непоколебимымъ, пережило всѣ тяжелыя испытанія судьбы, стало исторической неизбѣжностью.

— Вотъ бы украинцамъ почитать, предложилъ кто, то смѣясь.

— Они и такъ выздоравливаютъ, отвѣтили за моей и спиной. Загляните въ русскія школы, тамъ найдете дѣтей всѣхъ народовъ населявшихъ Россію, и сколько угодно Кіевлянъ, Полтавцевъ, Черниговцевъ. И какъ всѣ дорожатъ сокровищами русской культуры! Какъ стремятся попасть именно въ русскую школу! О желаніи изучать „державну мову“ я въ Константинополѣ не слышалъ ни разу, хотя школы совершенно свободны.

—Это вѣрно. въ изгнаніи начинаютъ цѣнить Россію и тѣ , кто еще недавно хотѣлъ, чтобы и его копыто знали, согласился мой сосѣдъ.

Мы подъѣзжали къ стѣнамъ...

Выйдя въ поле, присѣли и долго, молча любовались красотой и силой этой безконечной каменной ленты зубцовъ, башенъ, бойницъ и рвовъ. Такъ тихо было кругомъ. Сѣрые камни словно дремали, ненужные среди нашей, ёще болѣе кровавой, но чужой, непонятной имъ жизни. Широкая бѣлая лента дороги уходила вдаль, черными движущимися точками отмѣчая людей.

Сколько силъ, знаній и стредствъ стоило созданіе этихъ могучихъ стѣнъ, сказалъ инженеръ. Впрочемъ работали не даромъ. На этихъ холмахъ, надежно защищенныхъ отъ варваровъ, пышно расцвѣла вѣра христіанская, блестящая государственность, оклеветанная нашими лѣвыми профессорами и несравненное искуство, о которомъ мы до самаго послѣдняго времени и понятія то никакого не имѣли. Хочется внимательно изучать эти камни. Они лучше лекцій и книгъ разскажутъ, сколько усилій необходимо затратить на созданіе и защиту великаго національнаго государства.

— А вѣдь ужасно везло этимъ грекамъ, подхватилъ художникъ, — посмотрите 4/5 города защищены моремъ, пришлось работать только надъ сравнительно небольшимъ пространствомъ.

— Да, у насъ не такъ, поддержалъ его мысль сосѣдъ, — чтобы сберечь среди необъятной, бушующей, дикой степи первые ростки національной культуры приходилось опоясывать себя стѣнами со всѣхъ сторонъ, тратить на нихъ всѣ силы, послѣднія средства.

— Мечтая о соціалистическомъ раѣ, продолжалъ инженеръ, у насъ очень рѣдко задумывались надъ вопросами: а во что обошлось настоящее Великой Имперіи Россійской. Мы ухитрялись просто забывать, что родина наша созданіе милліоновъ самоотверженныхъ труженниковъ, вѣками упорно, до кроваваго пота, боровшихся съ суровой природой и тяжкими историческими невзгодами.

Далеко на Востокъ и Западъ свѣтила Византія... Посмотрите на этотъ мощный каменный профиль, и вспомните, каково же величіе работы, совершенной

нашими предками, приспособившими для культурной и государственной жизни огромныя пространства величайшей въ мірѣ равнины. . .

Правда нелегко было нагромоздить эти стѣны, но какую изумительную національную стойкость обнаружили русскіе, потомъ и кровью превратившіе „таинственное царство ночного холода“ въ могучую Имперію Православную. И въ какой изумительно-короткій срокъ.

А все таки Московскій Кремль показался бы здѣсь дѣтской игрушкой, шутливо запротестовала одна изъ нашихъ спутницъ.

— Это вѣрно, живо обернулся къ ней полковникъ, но незабудьте, что намъ приходилось строить не одинъ, а десятки Кремлей. Познакомтесь съ памятниками Кіевской Руси, и передъ вами во весь ростъ встанетъ величественный образъ народа-творца и страстотерпца.

Какими наивными кажутся теперь изобрѣтенія шовинистовъ австрійской выучки. Помните, они увѣряли насъ въ Кіевѣ, что русское государство создалъ не творческій геній великой націи, а исправники и становые, насильно согнавшіе въ кучу разноплеменный сбродъ, готовый разбѣжаться при первомъ удобномъ случаѣ. Такъ смѣшно все это вспоминать сейчасъ. . . Исторія учитъ, что никто больше русскихъ не отдалъ силъ на созданіе своего національнаго государства, на планомѣрное проведеніе въ жизнь національной программы, такого могучаго, царственнаго размаха. Правда, Кіевскія Золотыя ворота хуже здѣшнихъ, но зато еще задолго до ихъ постройки, за деревяннымъ частоколомъ на невысокой насыпи, русскіе националисты отчетливо формулировали первое положеніе нашей государственной программы: „Вся русская земля едина есть“. Они же оставили намъ первую заповѣдь: „Имемся во едино сердце и блюдемъ русскыѣ земли“.

Мы все это забыли, забыли и ихъ предостереженіе: „Почто погубимъ русскую землю“, и заслу-

жили страшное проклятіе: „Да будетъ намь крестъ честный и вся земля руськая“.

— Я перечиталъ отрывки изъ Лѣтописи и Слово о Полку Игоревѣ, поддержалъ его художникъ. Какова была мощь культурнаго напора Кіевской Руси!

А сколько лѣтъ мы традиціонно лепетали о нашей тогдашней культурной слабости и малодушіи удѣльныхъ князей. Только здѣсь, у стѣнъ Византіи, мы можемъ, наконецъ, понять подлинную силу, налетѣвшаго изъ степей Азіи смерча, уничтожившаго результаты многовѣковыхъ трудовъ нашихъ предковъ.

Здѣсь мы узнали, что судьбѣ неугодно было обезпечить непрерывность нашего государственнаго роста. Не по княжескому легкомысліо, не благодаря вѣчу или удѣльнымъ раздорамъ, а по волѣ Божіей надолго замолкли колокала стольнаго Ківа. опустѣлъ Днѣпръ, поросли дикимъ кустарникомъ развалины городовъ, поля-кормильцы и дороги торговыя, „Русская Правда“ перестала защищать слабыхъ и обиженныхъ.

Благодаря страшному натиску дикихъ силъ надолго замерла, заглохла національная культурная жизнь и ея уцѣлѣвшіе обломки, притаившись, слабо мерцали въ тѣсныхъ монастырскихъ кельяхъ.

Здѣсь и на западѣ отсиживались за каменными твердынями. Ушли далеко впередъ, когда Россія вновь получила возможность возобновить прерванное культурно-государственное строительство...

Но и страшный разгромъ не сломилъ мощи національнаго духа. Послѣ многолѣтней, тяжелой борьбы Москвѣ удалось, несмотря на глубоко въѣвшуюся азіатчину, на новомъ мѣстѣ, заложить прочный фундаментъ великаго національнаго государства. И изъ-за этихъ стѣнъ намъ протянули руку помощи.

Всѣ притихли. Старыя стѣны начали казаться близкими, почти родными, защищавшими что то дорогое и теперь величаво раскинувшимися для заслуженнаго отдыха.

—Господа, пойдемъ же, наконецъ, вѣдь такъ мы не успѣемъ въ Семибашенный Замокъ, нарушилъ—

наше молчаніе нетерпѣливый возгласъ офицера. Мы молча повиновались и побрели.

По сторонамъ высились все тѣ же смятыя, изгрызанныя вѣками башни и каменные квадраты съ темно-красными кирпичными перехватами.

Вотъ прямо передъ нами сверху до низу расколотая, чудомъ держащаяся, огромная глыба. Далѣе полукруглый выступъ, обнажившій свой скелетъ и среди безформенныхъ камней бѣлѣютъ варварски замурованныя стройныя мраморныя колонны.

Какъ попали онѣ сюда? Сколько вѣковъ своимъ длиннымъ гладкимъ тѣломъ защищали христіанскій городъ отъ ударовъ варваровъ? А еще раньше гордо встрѣчали робкій взглядъ благочестиваго богомольца въ храмѣ Зевса или Венеры?. . . .

Усталые, но довольные, увидѣли мы, наконецъ, блѣдно-зеленое море. Еще ворота. Спокойно-величавый, бѣлыя римскій орелъ высится на мраморной плитѣ. Нѣсколько десятковъ шаговъ по переулку и мы у входа въ Семибашенный Замокъ. Вечерѣло. Золотые лучи играли за моремъ, гдѣ то въ тридесятомъ царствѣ, должно быть неподалеку отъ славнаго царя Салтана. Прямо передъ нами высились исполинскія каменныя твердыни.

— Похоже на Кремль, сказалъ полковникъ. такіе же зубцы на стѣнахъ, башни, только безъ вышекъ.

Несмотря на усталость добросовѣстно лазили, разспрашивали, заглядывали всюду.

Равнодушно, немного презрительно, глядѣлъ на насъ этотъ давно покинутый, страшный скелетъ древняго каменнаго чудовища.

Ужъ давно идетъ вторая тысяча лѣтъ, какъ навсегда нагромождены здѣсь рукою человѣческой всѣ эти гранитныя плиты, мраморъ и глыбы песчанника.

Десятки разъ, разбившись о ихъ каменную грудь, уходили отсюда съ воемъ и крикомъ отчаянія назадъ въ степь несчетныя вражескія полчища.

Потоками лилась здѣсь кровь. Прошли вѣка. Тихо стало кругомъ, но въ замкѣ закипѣла иная

жизнь, Новые властители опозорили старыя, боевыя башни. Замокъ сталъ тюрьмой.

Со всѣхъ сторонъ неслись стоны замурованныхъ въ каменныхъ мѣшкахъ. Много вѣковъ исправно служилъ вотъ этотъ мрачный колодезь, прятавшій въ своей зіяющей черной пасти еще теплыя, кровавыя головы казненныхъ. . .

Ничего, никому, никогда не разскажутъ эти кругомъ насъ спокойно дремавшіе камни, такъ много видѣвшіе на своемъ вѣку.

Можетъ быть это и лучше.

Кто знаетъ, что было бы, если бы мы разговорились съ башнями замка. Безропотно терпѣвшій все, привыкшій къ крови, полуживой, каменный старикъ, могъ бы невыдержать и въ ужасѣ обрушиться на насъ всей тяжестью своихъ неприступныхъ стѣнъ, если бы мы разсказали ему всю правду о кровавыхъ подвигахъ нашего поколѣнія.

Онъ никогда не узнаетъ о нихъ. Многаго совершившагося здѣсь, въ его стѣнахъ, не узнаемъ и мы. Такъ лучше. . .

Расположились на отдыхъ. И такъ, мы почти въ Кремлѣ, сказалъ художникъ, усаживаясь на травѣ, покрывшей прекрасно сохранившуюся верхушку стѣнъ. Значитъ будемъ говорить о Кремлѣ.

—Съ удовольствіемъ, отвѣтилъ докторъ. Только сперва посидимъ немного, посмотримъ. Всѣ согласились и долго молча любовались яркимъ, многоцвѣтнымъ моремъ. Затѣмъ съ затаеннымъ дыханіемъ принялись слѣдить за упорной борьбой золотого властителя земли съ темно-синими тучами. Солнышко то пряталось, то переходило въ рѣшительное наступленіе и, нащупавъ главныя силы врага, пускало въ ходъ десятки золотыхъ прожекторовъ, рѣзавшихъ ихъ на части и заставлявшихъ по новому сверкать и переливаться разорванныя края убѣгавшихъ вражескихъ полковъ.

Наконецъ, докторъ началъ.

—Послѣ страшнаго татарскаго разгрома, медленно крѣпла Русь. Преодолѣвая всѣ препятствія, не жалѣя живота, прикупая и примышляя деревню къ деревнѣ,

волость къ волости, копя казну, упрямо выполняли князья Московскіе національные русскіе завѣты, глубоко сокрытые въ тайникахъ народной души съ Кіевскихъ временъ.

Понеслись къ небу горячія молитвы о Митрополитѣ, Великомъ Князѣ и, наконецъ, Царѣ Всея Руси.

На подготовленной государственнымъ объединеніемъ почвѣ начало крѣпнуть національное самосознаніе.

У насъ такъ любили посмѣяться надъ дикостью смѣшныхъ азіатовъ, забывая, что въ Москвѣ были созданы и развиты основы нашей національной программы, руководившей затѣмъ всѣми дѣйствіями великихъ русскихъ людей, создавшихъ могучую Имперію.

Конечно, толща народа была далека отъ умѣнія сознательно ставить очередныя національныя задачи и создавать строго обдуманный планъ ихъ осуществленія. Національзмъ того времени былъ стихіенъ и безсознателенъ. Однако онъ никогда не утрачивалъ своего государственнаго характера.

Народъ, хоть и своеобразно, но крѣпко и вѣрно служилъ Государю и его „вотчинѣ",

Въ сѣрые, скучные будни, поверхностному наблюдателю не всегда была видна его сила.

Но стоило только нависнуть надъ родиной свинцовымъ тучамъ, какъ національзмъ народа вспыхивалъ яркимъ пламенемъ и творилъ чудеса.

Безконечная лента сохранившихся укрѣпленій, городовъ и городковъ даютъ намъ нѣкоторое представленіе о томъ, какъ тяжело приходилось Москвѣ, отражая наступавшихъ буквально со всѣхъ сторонъ враговъ.

Она часто требовала отъ подданныхъ непосильныхъ жертвъ для укрѣпленія національнаго государства. Она совершенствовала свою національную программу на незыблемыхъ основахъ, прочно выкованныхъ всѣмъ ходомъ исторіи.

Съ желѣзнымъ упорствомъ, цѣною страшыхъ жертвъ наши предки проводили въ жизнь

полученныя по завѣщанію изъ Кіева національныя требованія: завершенія политическаго объединенія русскаго народа и расширенія русской государственной территоріи до предѣловъ нашей равнины.

Лучшіе люди Москвы позаботились и о теоретической обосновании русской національной государственной программы. Увы, здѣсь нѣтъ возможности подробно остановиться на интереснѣйшемъ процессѣ развитія національной идеологіи русскаго государственнаго міросозцерцанія московскаго періода. Съ тѣхъ поръ прошли вѣка...

Мы такъ мало общаго сохранили съ людьми того времени.

Но теперь все же и намъ удавалось бывало переживать минуты величайшаго наслажденія, почувствовавъ всю высоту и стройность душевнаго уклада талантливыхъ государственныхъ дѣятелей московскаго златоглаваго Кремля. Лучше всего было подойти къ нимъ, любуясь закатомъ гдѣ нибудь у поросшей стройными, бѣлыми березками да сѣдымъ сердитымъ мхомъ невысокой башенки сѣвернаго монастыря или среди величавой тишины, царственно сіявшихъ, роскошныхъ храмовъ Ярославля или Ростова.

Немногое уцѣлѣло отъ національныхъ культурныхъ сокровищъ того времени, но достаточно возстановить передъ глазами громаду Василія Блаженнаго, чтобы понять какъ высоко забирались некультурные „московиты“.

Жилось имъ, конечно, не легко. Не разъ кряхтѣла старая Москва подъ ударами сильныхъ сосѣдей враговъ, приходилось переживать и рядъ серьознѣйшихъ внутреннихъ затрудненій. Главнѣйшими изъ нихъ были слабость и малочисленность имѣвшихся въ распоряженіи государства культурныхъ силъ, не справлявшихся съ единственной въ мірѣ территоріей.

Наконецъ, немногочисленные ряды бойцовъ за честь и счастье родной страны не выдержали, дрогнули и наступили черные годы великой смуты...

— Я недавно перечиталъ все, что удалось достать о смутномъ времени, перебилъ его полковникъ. Что за удивительное время! Съ одной стороны всеобщій нравственный развалъ, голодъ, моръ, грабежи... Не даромъ бояре писали: „Со всѣхъ сторонъ Московское государство непріятели рвутъ, у всѣхъ окрестныхъ государей мы въ позорѣ и укоризну стали", а съ другой гдѣ то въ глубинѣ, точно подъ землею, происходитъ очистительный процессъ, прояснявшій національное сознаніе и выковывавшій единую государственную волю, властно заставившую служить Родинѣ всѣхъ, еще недавно разбредшихся и равнодушныхъ.

Читая про московскую смуту, все время не можешь отдѣлаться отъ впечатлѣнія, что дѣло идетъ о событіяхъ нашихъ дней. Чисто коммунистическихъ прелестей хоть отбавляй, а между тѣмъ правъ П. Б. Струве, утверждая въ своихъ чуткихъ и красивыхъ размышленіяхъ о русской революціи, что расшатавъ государство, смута не произвела соціальнаго переворота.

Анархически-большевистское содержаніе исчезло, не оставивъ никакого слѣда.

Россія выздоровѣла и быстро пошла впередъ по старой національной „столбовой" дорогѣ...

Всѣ наперерывъ начали дѣлиться впечатлѣніями о давно минувшемъ лихолѣтьи и сравнивать его съ переживаемымъ.

— Не помню гдѣ я слышалъ, сказалъ инженеръ, — вѣрную мысль о томъ, что подъ вліяніемъ самыхъ разнообразныхъ причинъ, каждая нація вырабатываетъ свои особые методы разрѣшенія государственно-національныхъ кризисовъ. Рѣдко выходя изъ стѣнъ своего парламента, всегда организованно, упорно борется англичанинъ за счастье и славу Великой Британіи. Обязательно прицѣпивъ какую нибудь яркую розетку, съ оружіемъ въ рукахъ, устремляется на баррикады парижанинъ, на смертный бой съ тѣми, кого онъ считаетъ въ данный моментъ виновными въ національныхъ бѣдствіяхъ его Прекрасной Франціи.

Всегда осторожно, боясь повредить отечеству, по заранѣе выработаннымъ и надлежаще утвержденнымъ образцамъ, какъ бы нехотя, подражая сосѣдямъ, дѣлаютъ свою революцію нѣмцы.

Совсѣмъ не то въ Россіи. Мы молоды, культурно слабы, короче воробьинаго носа историческая память нашей интеллигенціи.

Пропустивъ всѣ сроки ставшаго необходимымъ ремонта, надѣясь „на авось", мы все ждемъ какой то помощи со стороны. Когда же сгнившій фундаментъ готовъ разсыпаться, дѣлаемъ нѣсколько нетерпѣливыхъ, по существу слабыхъ, лѣнивыхъ толчковъ. Долго мудримъ, копаясь въ мусорѣ развалинъ.

Процессъ проясненія національнаго сознанія проходитъ медленно, стихійно, долго не выявляется наружу.

Наконецъ, только тогда, когда ужъ многимъ кажется, что все погибло, начинается національный подъемъ у среднихъ, наиболѣе жизнеспособныхъ классовъ, воодушевленныхъ идеями спасенія вѣры отцовъ и родного государства, движимыхъ здоровымъ инстинктомъ самосохраненія.

Подъ руководствомъ національно-стойкихъ слоевъ интеллигенціи, духовной и свѣтской, постепенно приходитъ въ себя и, казалось, окончательно изнегодяйничившійся и опустившійся народъ и перекрестившись бодро принимается за свое любимое дѣло: строить на расчищенномъ пожарищемъ мѣстѣ новую избу.

Онъ ее срубитъ просторнѣй, повыше, но обязательно внесетъ туда старыя иконы и разукраситъ, подражая дѣдамъ и отцамъ.

Вотъ этотъ то многогранный, сложный и длительный процессъ у насъ и называется смутой.

Смута-это время политическаго перевоспитанія неорганизованнаго народа, разбросаннаго на необъятномъ просторѣ единственной въ мірѣ равнины. Это предметный урокъ, доказывающій насущную необходимость крѣпкаго національнаго государственнаго организма. Послѣ него наступаетъ блестящая эпоха національнаго возрожденія. Такъ было, такъ будетъ...

Уже послѣдніе темно-золотые потоки разбрасывало по небу усталое солнце, когда мы рѣшили уходить.

Темно-сѣрыми стали стѣны, впередъ выступили башни, точно готовясь отразить натискъ невидимаго врага. Суровой правдой жизни вѣяло отъ могучихъ укрѣпленій, напоминавшихъ о вѣковой борьбѣ.

— Слѣдующій разъ опять сюда, предложилъ офицеръ.

— Сюда! обязательо сюда! закричали со всѣхъ сторонъ.

У Галатскаго моста дорогу загородила толпа, что то разглядывавшая на золотомъ Рогѣ.

Разноцвѣтныя клѣтки бумажныхъ американскихъ костюмовъ, такъ напоминавшихъ ярмарочный циркъ захолустнаго городишки, усталыя, худыя лица и знакомыя кокарды говорили, что это соотечественники.

Что собрало сюда этихъ людей?

На нашъ вопросъ высокій юноша съ лоткомъ молча указалъ на средину залива. Среди неуклюжихъ, безобразныхъ фелюгъ, нагло размалеванныхъ лодокъ и грязныхъ катеровъ, быстро скользилъ большой свѣтло-сѣрый моторъ съ гордо развѣвавшимся Андреевскимъ флагомъ.

Надо было видѣть сжатыя губы, строго впившіеся глаза этихъ случайныхъ прохожихъ, уличныхъ торговцевъ и разнощиковъ, притихшихъ и жадно слѣдившихъ за свободными, красивыми движеніями бѣлаго полотнища съ большимъ синимъ крестомъ.

Понимаютъ, радостно сказалъ полковникъ, и мы зашагали еще бодрѣй, взволнованые видѣннымъ.

———

IV.

У СТѢНЪ.

(О нашемъ прошломъ).

2.

Жаркій іюльскій полдень. На небѣ ни облачка. Свѣтло-голубой овалъ широко раскинулся надъ зеленовато-сѣрой далью полей. О чемъ то непонятномъ чуть слышно болталъ вѣтерокъ съ высокими, строгими кипарисами. Если бы не ихъ черные силуеты,— поле напоминало бы раздолье родныхъ равнинъ.

Воспоминанія о русской деревнѣ объединили всѣхъ и заставили особенно внимательно присматриваться къ медленно ползущему по дорогѣ обозу сѣрыхъ полтавскихъ воловъ. Зачѣмъ только у степенно переступавшихъ въ широкихъ шароварахъ крестьянъ красныя фески?.

Подальше совсѣмъ родной хуторокъ, неизмѣнный журавль, фруктовый садикъ, даже подсолнухи и кукуруза.

Присмирѣли и долго любуемся ими, вспоминая пирамидальные тополя, вишневыя деревья и заросли сирени, среди которыхъ у большинства пронеслось, кажущееся теперь волшебной восточной сказкой, чудесное дѣтство.

Рѣшено было идти вдоль стѣнъ, по направленію къ Золотому Рогу.

Несмотря на жару, шли довольно быстро. Одинъ причудливѣе другого поднимались къ небу израненные обломки, вышки и зубцы. Казались безконечными ихъ ряды. Но вотъ стѣны стали еще выше. Дорога сдѣлала изгибъ и начала опускаться. Направо, изъ-за огромныхъ, точно по росту выстроившихся въ рядъ, прекрасно сохранившихся башенъ раскинулся во всѣ стороны городъ. У самыхъ стѣнъ выглядывали мрачныя развалины Императорскаго Дворца. Налѣво поля смѣнили холмы, заселенные толпой поднимавшихся къ

вершинамъ старыхъ кипарисовъ. За ними, сбоку заблестѣла полоска извилинъ Золотого Рога.

На старомъ турецкомъ кладбищѣ, среди обросшихъ мхомъ памятниковъ, былъ объявленъ привалъ. Здѣсь же было рѣшено начать бесѣду. Въ прошлый разъ до 17-го вѣка добрели, напомнила одна изъ дамъ, устала я страшно, два дня еле ноги таскала.

— Еще бы, согласился инженеръ, начали по Ростовцеву, съ 2000 лѣтъ до Рождества Христова, а кончили смутнымъ временемъ,

— Теперь остались пустяки, шутливо успокоилъ судья: слушайте! —

— Прежде всего, простите за небольшое отступленіе. Дѣло вотъ въ чемъ.

— Мы единственный въ мірѣ народъ, не любившій своего прошлаго. Это нашъ глазный грѣхъ. И самое важное сейчасъ не нанизывать все новые и новые факты, а стремиться скорѣе п о л ю б и т ь былое родной страны.

Семнадцатый вѣкъ и начало девятнадцатаго — Пушкинское время, какъ разъ двѣ эпохи, не полюбивъ которыхъ, какъ что то родное, близкое, сколько ни учись, многаго такъ и не поймешь.

А чтобы ваша любовь была крѣпкой и сильной, нужно вплотную подойти къ прошлому, а это возможно только при помощи искусства. Не правда ли, художникъ?

— Конечно, конечно, — согласился тотъ, но не удержался, чтобы не проворчать недовольно; зачѣмъ только въ мой дворъ заѣзжаете!

— Скажу о себѣ, продолжалъ судья. — Уже въ гимназіи мнѣ близокъ и дорогъ былъ великій царь Алексѣй, отецъ несравненнаго Петра. До сихъ поръ помню, съ какимъ восторгомъ перечитывалъ я безъ числа истрепанную рукописную запись Ключевскаго, гдѣ была мастерская характеристика царя Алексѣя Михайловича, одной ногой переступившаго черезъ высокій порогъ въ новую Россію. Но всей душой я полюбилъ его и весь 17 вѣкъ позднѣе, когда ближе узналъ искусство этой эпохи, бродя по сѣверу и югу.

— Знаю, знаю, вы старьевщикъ, — засмѣялась его сосѣдка, — слышала про васъ много смѣшного,

— Грѣшенъ, улыбаясь согласился судья, собиралъ иконы, золотое шитье, парчу и много другихъ чудесныхъ вещей, безъ которыхъ такъ тяжело иногда бываетъ на чужбинѣ.

— А крѣпко любить и хорошенько знать послѣдніе сто лѣтъ жизни московскаго царства должны всѣ и не старьевшики: безъ этого непонятенъ Великій Петръ и національный подъемъ 1812 года. Вѣдь въ старой Москвѣ на Земскихъ Соборахъ, въ Боярской Думѣ, да по Кремлевскимъ теремамъ медленно и основательно продумано и подготовлено было все то, что съ такимъ блескомъ осуществила Императорская Россія въ 18 вѣкѣ.

Много новаго вывезъ съ запада Великій Преобразователь, но не мало матеріала и московской заготовки понадобилось, когда

«Плотникъ царь построилъ домъ широко
Окнами на пять земныхъ морей».

Нервно, нетерпѣливо строилъ онъ и могучіе удары его дубинки многихъ оттолкнули, привели къ новому расколу.

«Куда то глубоко въ землю ушла старая Русь, дряхлая и вѣковѣчная, Русь говорливыхъ колоколовъ, пѣсенъ причудъ, церквей многошапочныхъ».

Въ подпольяхъ старообрядческихъ скитовъ притаилась національная религіозная мысль. Замерло великое русское искусство. Въ нашу жизнь вклинились французскія моды, голландская мебель, итальянская живопись, а за ними и прусскіе полицейскіе порядки.

Крестьянство тянуло тяжелую лямку. верхи механически усваивали ворохи чужихъ идей. Отдѣльныя страницы нашей исторіи захотѣли сдѣлать плохими переводами съ иностраннаго.

Тронъ заколебался. Появились укрѣпители. Не въ примѣръ прочимъ ихъ осыпали милостями и льготами. Расколъ и разбродъ усиливались. Въ первый разъ за всю исторію Россіи, именно въ 18-мъ вѣкѣ раздалась роковая команда:

— Шагъ на мѣстѣ! Р-разъ, два!..

Громадную роль для всего послѣдующаго сыграло пораженіе интеллигенціи, недобившейся отъ власти правъ на активное участіе въ государственномъ строительствѣ. Вспомните нарочно заостренное, но по существу вѣрное утвержденіе Струве: «Ленинъ могъ разрушить русское государство въ 1917 году именно потому, что въ 1730 курляндская герцогиня Анна Іоановна восторжествовала надъ княземъ Димитріемъ Михайловичемъ Голицынымъ. Это отсрочило политическую реформу въ Россіи на 115 лѣтъ и обусловило собою ненормальное, извращенное отношеніе русскаго образованнаго класса къ государству и государственности»

18 вѣкъ, это было время колоссальнаго внѣшняго роста государства и въ то же время ужасная эпоха денаціонализаціи соціальныхъ верховъ.

Однако силы національнаго духа оказались непреодолимыми. Могучій организмъ благополучно переварилъ огромную дозу иноземнаго яда. Призывъ Ломоносова работать не покладая рукъ, готовясь къ блестящему времени національнаго возрожденія, былъ услышанъ.

Разламывая всѣ препятствія, дѣлая могучіе прыжки впередъ, къ первой четверти 19-го вѣка, мы дошли до Пушкина, нашли въ себѣ силы сломить великаго Наполеона.

— Пушкинская Россія! Что это за удивительное, несравненное было время?

„Люблю тебя, Петра творенье,
Люблю твой строгій, стройный видъ,
Невы державное теченье,
Береговой ея гранитъ“...

Медленно, точно про себя, вспомнилъ художникъ.

Всѣ встрепенулись. Больше всѣхъ заволновался офицеръ, природный петербуржецъ.

— Санктъ-Петербургъ! — взволнованно началъ онъ, — чудесный городъ царственно прекрасныхъ гранитныхъ оваловъ, несравненныхъ соборовъ и дворцовъ! Городъ Мѣднаго Всадника, Захаровскаго Адмиралтейства, единственнаго въ мірѣ размаха площадей, колоннъ, арокъ и мостовъ!

— Что осталось отъ тебя, мой дорогой?

Воцарилося сосредоточенное молчаніе. Передъ каждымъ, какъ живыя встали царственныя тѣни Великой Сѣверной Столицы.

— А вспомните Исаакія, — начала самая молодая изъ нашихъ спутницъ. Какъ чудесно переливался иней на его могучихъ колоннахъ! Выбѣжишь, бывало, на Сенатскую площадь. Морозъ здоровенный. Вѣтеръ съ Невы охапками бросаетъ синіе и зеленые хрусталики снѣга, острые, кусючіе...

— Сердится на что то, все ближе подступаетъ къ собору, вѣется вокругъ колоннъ, а онѣ только чуть побѣлѣютъ и гордо, спокойно поднимаютъ къ далекому небу громадную массу чудеснаго храма.

— А Петръ? Онъ вьюги совсѣмъ не боялся, все скачетъ, зоветъ куда то впередъ, въ высоту!... Впрочемъ, что это я, — смѣшалась она, — простите, помѣшала.

— О, нѣтъ, — успокоилъ ее судья,— въ вашихъ словахъ столько живой любви, а я уже сказалъ, что Пушкинское время нужно по настоящему, крѣпко полюбить.

А любить есть за что. Вспомните, несмотря на страшное разореніе враговъ, страна росла и поднималась на небывалую высоту. Въ эти годы окрѣпла національная русская литература, живопись, музыка, архитектура, появились первые русскіе ученые европейскаго уровня. Усиленно заработала національная государственная мысль, умѣвшая ставить интересы Великой Россіи выше своекорыстныхъ поползновеній отдѣльныхъ классовъ, «прихотей», по удачному выраженію царя Алексѣя.

Чего только не плели про это время достойные представители господствовавшаго у насъ направленія лѣвѣе здраваго смысла. А между тѣмъ, это была эпоха, когда начинали застывать первые кристалы чудеснаго сплава лучшаго, что могъ дать западъ съ величавыми завѣтами родной старины.

Появились первые ростки свѣжей національной мысли, стали во всю ширь развертываться силы могучей культуры и великаго государства.

Не даромъ именно тогда, оглянувшись назадъ Карамзинъ заговорилъ «О любви къ отечеству и народной гордости».

Для дальнѣйшаго развитія культуры и государства требовалась напряженная, дружная работа всѣхъ силъ страны.

Увы, подъемъ 12 года скоро смѣнился въ интеллигентскихъ кругахъ необузданнымъ засиліемъ политической маниловщины.

14 декабря 1825 года обозначился второй, еще болѣе пагубный, разрывъ между обществомъ и государствомъ. Онъ надолго извратилъ психологію перваго, обезсилилъ второе.

Чтобы составить себѣ ясное представленіе, какъ трудно даже теперь типичному представителю русской интеллигенціи правильно понять прошлое родной страны, прочтите новый романъ Мережковскаго 14 декабря». Авторъ сдѣлалъ попытку дать характеристику обѣихъ тогда враждовавшихъ сторонъ. Одинъ изъ величайшихъ русскихъ самодержцевъ Императоръ Николай Павловичъ ему рисуется какимъ то мрачнымъ штабсъ-капитаномъ Романовымъ 3-имъ, все время какъ бы страдающимъ отъ зубной боли, растеряннымъ, чуть ли не трусливымъ. Такова сила интеллигентскихъ предразсудковъ до сихъ поръ. Оказывается, даже и большевистскаго опыта не достаточно, чтобы русскій интеллигентъ могъ объективно оцѣнить личность и дѣятельность русскихъ монарховъ.

Болѣе правдива у Мережковскаго характеристика декабристовъ.

Какъ бы то ни было, а огромный вредъ «стоячей революціи» 14 декабря, для національнаго развитія Россіи безспоренъ. Благодаря ей и по ряду другихъ историческихъ невзгодъ наша родина не приняла участія въ побѣдоносномъ шествіи впередъ, подъ знаменемъ государственнаго національзма, который выковывалъ въ это время мощь современныхъ великихъ державъ запада.

Народъ, сломивши геній Наполеона, не получилъ свободы.

«Хмурясь и робѣя, по образному выраженію В. О. Ключевскаго, власть, пережевывая одни и тѣ же планы, отсрочивала разрѣшеніе вопроса малодушными попытками улучшеній, не оправдывавшими громкаго титула власти, пока Севастополь не ударилъ по застоявшимся нервамъ».

Ужъ тогда было ясно, что силъ для подлиннаго національнаго строительства не хватаетъ, взять ихъ было неоткуда.

Положеніе все болѣе и болѣе запутывалось.

Кругомъ кипѣла жизнь, мы прозябали.

Государственнаго опыта у незнавшей жизни интеллигенціи не было и она, какъ дикарь, безпомощно тянулась къ самому новенькому, самому блестящему. Дальше пошло еще хуже. Интеллигенція преклонила колѣни передъ Западомъ и пренаивно ждала оттуда исцѣленія отъ всѣхъ язвъ и болѣзней родной страны. Одинокіе голоса первыхъ славянофиловъ потонули въ хорѣ разучивавшихъ чужія партіи.

Привозимыя съ запада идеи не очищались въ горнилѣ національнаго творчества. Все усвоялось наспѣхъ, какъ нибудь, лишь бы поскорѣе... И въ русскихъ головахъ окончательно воцарилась странная смѣсь пошехонскаго съ соціалистическимъ.

— Какъ? Что вы? А шестидесятые годы? — запротестовали со всѣхъ сторонъ.

— Эпоха Великихъ реформъ, лучшее тому доказательство, упорствовалъ судья. Въ самомъ дѣлѣ. Вспомните, Севастополь обнажилъ страшныя язвы и въ то же время показалъ, какіе неистощимые источники благородства и героизма таятся въ сердцахъ русскихъ людей.

Ни минуты не колеблясь, государство разорвало всѣ путы и со страшной быстротой ринулось впередъ.

— А интеллигенція?

Забыла старыя обиды? Впряглась въ работу?

Горсточка «святыхъ чудаковъ», всѣ эти мировые посредники, судьи, нѣсколько администраторовъ, дѣйствительно отдали свои силы освобожденной родной странѣ. А большинство? Почти вся молодежь? Эти еще

больше озлобились, отвернулись отъ работы на родныхъ поляхъ, возмечтали о соціалистическомъ раѣ, готовили бомбы, травили народъ лживыми, полными ненависти прокламаціями...

— Да, теперь мы видимъ эту эпоху въ новомъ свѣтѣ! Ужъ недалеко то время, когда благодаря безпристрастнымъ работамъ историковъ, гримъ и пышныя одежды будутъ сорваны съ тогдашнихъ властителей думъ, идейныхъ вдохновителей и руководителей русскихъ террористовъ.

Тогда всѣ увидятъ страшную, звѣриную рожу тупого сектанта, очень похожаго на идейнаго тозарища изъ чека или политкома.

Правда, близкихъ родственниковъ у Ленина было не такъ много. Большинство какъ и въ 1917 году было въ рукахъ полуленинцевъ, мелкихъ людишекъ, больше всего любившихъ устраивать пышныя представленія и маскарады.

Они изъ всѣхъ силъ старались убѣдить русскую интеллигенцію, что въ прошломъ у насъ ничего оригинальнаго не было и что мы призваны свыше, какъ можно скорѣе, пріобщить русскій народъ къ благамъ соціализма.

Большинство русской интеллигенціи того времени серьезно думало, что стоитъ только переписать побольше чужихъ законовъ, созданныхъ для культурнѣйшихъ государствъ и дѣло будетъ въ шляпѣ.

Въ то же время оно съ циничнымь презрѣніемъ относилось къ религіи, къ быту и нравственнымъ завѣтамъ. канонизированнаго ими народа.

Увы, прыжокъ въ высь не удался. Невѣжество и бѣдность потянули на дно. Шагъ за шагомъ мы стали опускаться все ниже. Государство напрягало послѣднія силы. Взрывъ перваго марта уничтожилъ послѣднюю надежду на наступленіе норой эпохи національнаго возрожденія. Сѣмена любви и самоотверженнаго служенія родному народу и государству заглохли подъ толстой корой отвратительныхъ, гнусныхъ теорій ненависти.

Начался страшный процессъ демократизаціи уче-

нія безбожія и злобы. Широкіе круги передовой интеллигенціи всячески поддерживали безумныхъ игроковъ, разжигавшихъ низменные инстинкты или продолжали продѣлывать мертвыя петли, гдѣ то на седьмомъ небѣ.

Величайшее государство забилось въ предсмертныхъ судорогахъ.

1905-й годъ ничему не научилъ ни общество, ни власть.

Грянулъ громъ страшной міровой войны. Крѣпились долго. Принесли неисчислимыя жертвы. До конца все таки не дотянули. У отравленной интеллигенціи не хватило силъ, чтобы выдержать дѣйствительно небывалое испытаніе судьбы. Наконецъ, удалось засорить и душу народа, долго остававшагося вѣрнымъ національному государству.

Возникшій при чрезвычайно загадочныхъ обстоятельствахъ*) солдатскій бунтъ прокатился по всей странѣ. Началась вторая великая смута. Интеллигенція во всей своей красѣ предстала въ образѣ такъ называемаго Временнаго Правительства и была позорно прогнана самыми наглыми, самыми подлыми. Они все еще продѣлываютъ русскій „опытъ". Россіи нѣтъ. Конца смуты не видно. Мы пьемъ чашу небывалыхъ національныхъ униженій. Перефразируя извѣстныя слова историка Соловьева о Шуйскихъ и Грозномъ, можно сказать: — «Своекорыстіемъ, презрѣніемъ общаго блага сѣяла интеллигенція и выросъ Ленинъ»...

Мы поднялись и долго шли, изрѣдка перекидываясь ничего незначущими фразами, взволнованные сказаннымъ.

Стѣны кончились. Промелькнули послѣднія башни, богато украшенныя вьющеюся зеленью.

Свернувъ по узенькимъ уличкамъ налѣво, мы вышли къ заливу.

х) См. воспоминанія Набокова „Архивъ Русской революціи" т. 1. и „Исторію Второй русской революціи" Милюкова.

Со всѣхъ сторонъ слышались торопливые удары молотовъ, шумъ приводныхъ ремней. Мы были у верфей. Около вытащенныхъ на берегъ судовъ и лодокъ копошились люди. Эта картина напряженной работы произвела на насъ сильное впечатлѣніе. Когда же застучатъ и наши русскіе топоры и молоты? — пронеслось въ головѣ.

На пароходѣ, быстро скользившемъ по Золотому Рогу, все время вспоминали Севастополь, послѣдній оплотъ вооруженной борьбы за честь и счастье Россіи. Но части его несравненной бухты такъ похожи были берега залива. Доки, склады, пристани. Тѣ же броненосные старички, сконфуженно прижавшіеся другъ къ другу, давно и никому не страшные.

И думалось объ одномъ: когда мы увидимъ вновь суровый овалъ родного Малахова кургана?

— Когда?

———

V

СВ. СОФІЯ.

Нація, государственный національизмъ и соціалисты.

„Смотрите молча, подолгу. Сначала все ваше вниманіе будетъ поглащено красотой и легкостью этой огромной золотой шапки Мономаха. Затѣмъ она постепенно сольется съ окружающимъ и вы, переставъ отдавать себѣ отчетъ въ размѣрахъ, уловите общую мысль, поймете почему именно такъ распорядился всѣми этими массами геній человѣка.

Еще позже вдругъ совершенно неожиданно, вы поймете сердцемъ и даже глазами увидите — св. Софію, Премудрость Божію. Вѣдь это она царитъ здѣсь среди мраморныхъ глыбъ и колоннадъ. Ею насыщенъ воздухъ храма. Кто то уже говорилъ, что воздухъ самое замѣчательное въ созданіи Юстиніана Великаго Это совершенно вѣрно. Когда гармонія линій и плоскостей станетъ понятна и ясна, когда выступы, колоннады и купола сольются въ одно цѣлое и въ вашемъ сердцѣ зазвучитъ гимнъ величію Творца, именно въ воздухѣ вы уловите первое дыханіе Премудрости Божіей."*

На этотъ разъ мы были одни въ чудесномъ храмѣ.

Ужъ давно ставшая близкой, почти родной, спокойная красота тихо струилась со стѣнъ изъ темно-золотого, царственнаго купола.

Сегодня былъ бенефисъ художника. Онъ останавливалъ наше вниманіе то на одной, то на другой части храма, показывалъ сохранившіяся мозаики, объяснялъ происхожденіе орнамента, капителей и проч.

Конечно, заранѣе было условлено, что въ храмѣ политикѣ не мѣсто.

Вдоволь насмотрѣвшись, мы сѣли и стали любоваться тѣмъ, что не рѣшился описать ни одинъ

---

*) „Премудрость Божія" В. Л. „Зарницы" № 15. 1921 г.

изъ художниковъ слова — неземной прелестью хрустальной воздушной струи. Вѣдь для нея стоятъ здѣсь вторую тысячу лѣтъ эти громады стѣнъ, драгоцѣнныя колонны, тихо переливается золото мозаикъ. Все это только волшебныя декораціи для главнаго сокровища храма, хорошо извѣстнаго всякому, крѣпко полюбившему дивное твореніе генія человѣческаго.

— Слава Великой Византіи! сказалъ полковникъ, выходя, каковъ національный геній народа, спаявшій единой мыслью, единымъ чувствомъ эти груды камней, мрамора, и металла!

Да, это произведеніе великой націи, знавшей потерянный сейчасъ секретъ химическаго соединенія востока съ западомъ! восторженно отозвался художникъ.

Постепенно въ разговорѣ приняли участіе почти всѣ присутствующіе. Заговорили о творческой роли великихъ національныхъ государствъ, о націи, о націонализмѣ.

Художникъ возмутился и потребовалъ, чтобы мы шли въ Кучукъ Ай Софію, (древній храмъ Сергія и Вакха) гдѣ онъ намъ покажетъ, что еще раньше были найдены основныя формы архитектурнаго плана, вдохновившія геніальныхъ строителей св. Софіи. Рѣшено было ему подчиниться и затѣмъ на берегу моря возобновить бесѣду.

Такъ и сдѣлали. Докладчикомъ былъ избранъ судья. — Мы подошли къ самой злободневной и въ то же время очень трудной темѣ о творческой силѣ націонализма, началъ онъ. Съ русскими такъ трудно говорить на эту тему. Они совершенно незнакомы съ исторіей вопроса. Имъ кажется такимъ неожиданнымъ утвержденіе, что 19 - ый вѣкъ на Западѣ былъ эпохой сплошного тріумфа націонализма, что именно націонализмъ поднялъ на недосягаемую высоту европейскую культуру и укрѣпилъ великія державы запада. Вѣдь безнаціональная или сверхнаціональная государственная программа, внѣнаціональный патріотизмъ или внѣгосударственный на-

ціонализмъ-все это мертвыя, глупыя выдумки нашихъ лѣвыхъ книжниковъ и фарисеевъ. Къ подлинной живой жизни онѣ никакого отношенія не имѣютъ. Культурный міръ движутъ впередъ стойкіе, въ гранитную скалу спаянные національнымъ самосознаніемъ, народы...

— Позвольте, перебилъ полковникъ. Будьте добры, дайте опредѣленіе націи, національзма, выясните его отношеніе къ государству, къ теоріямъ соціалистовъ, все это такъ интересно.

Мы дружно поддержали его просьбу.

Судья справился относительно запасовъ провіанта и получивъ удовлетворительный отвѣтъ отъ интендантской части, началъ:

— Хорошо, прежде всего: что такое нація?

Современная нація, это сложный продуктъ исторической жизни. Она создается постепенно изъ разнообразныхъ этнографическихъ элементовъ.

Общность исторической судьбы и культурное взаимодѣйствіе спаиваютъ ихъ воедино. Нація-живой организмъ. Творя формы жизни, нормы морали и права, она и сама растетъ и совершенствуется. Нація-это та соціально психическая среда, въ которой рождаются и зрѣютъ культурныя цѣнности. Она кратчайшій путь въ передачѣ знаній,' искусства, идей. Современные ученые подчеркиваютъ большое значеніе въ жизни націи, субъективнаго сознанія отдѣльнаго человѣка: „животворящій духъ національнаго сознанія" у Мончили.*).

Нація можетъ состоять изъ нѣсколькихъ племенъ, даже народовъ (напр. фламандцы+валлоны=белгійцамъ).

Наоборотъ, одинъ народъ можетъ участвовать въ созданіи нѣсколькихъ націи. (Примѣръ: англичане въ Америкѣ).

*) ср. Ренанъ, Лоцарусъ, Келети, Эллинекъ. Для примѣра приведу опредѣленіе послѣдняго: „Группа людей, сознающихъ себя объединенными множествомъ общихъ своеобразныхъ культурныхъ элементовъ и общимъ историческимъ прошлымъ и потому отличными отъ другихъ людей образуетъ націю".— Право Современнаго Государства. С. П. Б. 1903. стр. 75).

Великая, Малая и Бѣлая Русь, при помощи десятковъ племенъ и народовъ, тысячелѣтнимъ напряженнымъ трудомъ слились въ гранитную скалу единой русской націи, создавшей блестящую культуру и величайшее въ мірѣ государство.

Теперь о національномъ государствѣ. Сейчасъ часто говорятъ о томъ, что оно переживаетъ тяжелый кризисъ. Любители трескучихъ фразъ даже торжественно увѣряютъ насъ, что государство умерло. Все это, конечно, кабинетныя измышленія. Если можно говорить о кризисѣ, то не государства вообще, а опредѣленныхъ государствъ, мѣсто которыхъ стремятся занять другіе, по образу и подобію ихъ созданные соперники. Міровая война даже укрѣпила національное государство, заставила еще больше дорожить его единствомъ.

Для правильнаго развитія современной націи необходимы условія высокаго уровня матеріальной культуры. Обезпечить ихъ можетъ только государство. Организуя культурную работу въ странѣ, пріобщая къ ней все новыхъ и новыхъ людей, борясь за свободу культурнаго творчества, государство сейчасъ одинъ изъ самыхъ важныхъ культурныхъ факторовъ на землѣ. Вся жизнь націи протекаетъ подъ непрерывнымъ и многостороннимъ воздѣйствіемъ государства.

Государство сейчасъ вліяетъ на все міросозерцаніе своего гражданина. Это даетъ намъ право говорить о государственномъ національзмѣ.

Корни національзма уходятъ глубоко въ тайники народной души, сплетаясь въ прочный узелъ сознаніемъ племенного единства и живой связи съ бытомъ и исторіей родного народа и государства.

Отношеніе національно стойкаго гражданина къ родинѣ чаще всего сравниваютъ съ сыновьимъ чувствомъ къ матери. Прекрасный анализъ его далъ П. Б. Струве въ одной изъ старыхъ своихъ статей *). У него мы находимъ слѣдующія строки: „Мы живо любимъ нашу родину и нашъ народъ. Мы не знаемъ и не хотимъ

*). см. „Сборникъ на разныя темы“. С. П. Б. 1902 стр. 528-9.

знать, почему и зачѣмъ, мы любимъ безъ цѣли, мы отдаемся этому, то спокойному, то жгучему и буйному чувству безъ всякой задней мысли, какъ о томъ съ неподражаемой силой и искренностью повѣдалъ великій поэтъ въ своемъ чудесномъ стихотвореніи. Мы любимъ родину, какъ дитя любитъ мать. Прекрасное сравненіе. Оно у всѣхъ на устахъ. Всѣмъ сродни. Но родина намъ не только мать, она въ такой же мѣрѣ наше дитя. Мы въ сознательной и безсознательной жизни, духовно и матеріально, одно поколѣніе за другимъ, творимъ и растимъ нашу родину. Своей кровью и мышцами мы питаемъ ее тѣло, своими стремленіями и помыслами мы наполняемъ ее душу, мы творимъ ея живую и вѣчно мѣняющуюся ткань".

Къ этимъ строкамъ, написаннымъ 20 лѣтъ тому назадъ, но такимъ свѣжимъ, сверкающимъ настоящимъ, сильнымъ чувствомъ, прибавить нечего. Упомяну только, что много позже въ своихъ талантливыхъ статьяхъ Д. Муретовъ подчеркнулъ, Струве отмѣченную, страстность національнаго чувства, сравнивъ его съ эросомъ.

Ужъ изъ приведенной выдержки изъ статьи Струве видно, что подлинное національное чувство не укладывается въ заранѣе приготовленныя, мертвыя рамки. Его развиваетъ и совершенствуетъ жизнь. Вся совокупность государственной жизни съ его правовыми культурными учрежденіями, атмосфера религіозной и политической свободы очищаетъ національзмъ отъ примѣсей узости и нетерпимости и дѣлаетъ его истинно государственнымъ.

Понадобились рѣки крови, чтобы русская интеллигенція поняла, что для свободнаго и успѣшнаго развитія національной культуры, какъ воздухъ для всего живого, необходимо единое сильное національное государство.

Съ другой стороны, нужно удостовѣрить, что только въ дни революціи многіе изъ русскихъ поняли, что безъ участія самого народа въ государственномъ строительствѣ невозможно въ современныхъ условіяхъ процвѣтаніе Великой Россіи. На западѣ ужъ давно

знали, что только благодаря постоянному и непосредственному участію гражданъ въ защитѣ и управленіи родной страны націонализмъ дѣлается могучей, все покоряющей, творческой силой.

Такъ проблема государственнаго націонализма тѣсно сплетается въ наши дни съ проблемой правового, конституціоннаго государства.

Русскіе теоретики націонализма указывали на это уже давно. Ну, конечно, это ничуть не помѣшало нашимъ лѣвымъ сектантамъ на всѣхъ перекресткахъ кричать о реакціонности націонализма, серьозно увѣрять наивныхъ людей, что свободу личности и дальнѣйшее развитіе культуры обезпечитъ не національное государство, а соціализмъ.

Только теперь всѣ имѣли удовольствіе близко познакомиться съ практическимъ примѣненіемъ пониманія господами соціалистами правъ человѣка и гражданина.

Какой глубокой правдой звучатъ въ наши дни слова Хомякова: „Не вѣрю я любви къ народу того, кто чуждъ семьѣ, и нѣтъ любви къ человѣчеству въ томъ, кто чуждъ своему народу“.

Сторонники книжныхъ теорій о защитѣ личности внѣ и надъ-національными способами очень сердятся, когда имъ напоминаютъ кровавыя расправы большевиковъ. Мы-настоящіе, говорятъ, а они-нѣтъ. Однако изученіе исторіи борьбы соціалистовъ на западѣ (особенно въ Италіи, Франціи, Германіи и на Балканахъ), подвиги „министровъ-товарищей“ нашего Временнаго правительства и иныхъ не оставляютъ никакого сомнѣнія въ глубоко реакціонныхъ взглядахъ соціалистовъ всѣхъ мастей на человѣка, на его религіозную и политическую свободу.

Но вернемся къ характеристикѣ государственнаго націонализма. Онъ несовмѣстимъ съ застоемъ и мертвечиной. Опираясь на живущаго полной жизнью въ родномъ государствѣ свободнаго человѣка, онъ содѣйствуетъ непрерывности развитія національной культуры, обезпечиваетъ полноту и богатство ея содержанія, красоту и изящество формы.

Націонализмъ чуждъ классовой психологіи, враждебенъ теоріямъ, разжигающимъ ненависть. Онъ выше партій, объединяя массы людей одной культуры, одной исторической судьбы.

Онъ крѣпокъ своей внутренней спайкой, сознаніемъ своей культурной силы, никого не угнетаетъ, но и ни отъ кого не прячется. Государственный націонализмъ никому не идетъ „въ услуженіе“.

Его можно опредѣлить. какъ „символъ вѣры“ огромнаго большинства современныхъ гражданъ, выработанный единствомъ культуры, быта и исторической судьбы. Онъ находится подъ непрерывнымъ воздѣйствіемъ его идеями укрѣпленнаго государства, обезпечиваетъ свободу личности и развитія культуры.

Судья поднялся и началъ прощаться. Его не пускали. — Посидимъ еще, куда спѣшить. раздалось со всѣхъ сторонъ. Уходить никому не хотѣлось.

Начались вопросы, просьбы объяснить, дополнить.

Рѣшено было дать возможность высказаться всѣмъ и затѣмъ въ концѣ предоставить послѣднее слово докладчику.

Ужъ прохладой вѣяло съ моря, ужъ давно одна за другой тянулись изъ города бѣлокрылыя парусныя лодки. когда судья рѣшительно заявилъ: на сегодня довольно, господа. Отвѣчаю только на двѣ группы вопросовъ: о болѣзняхъ націонализма и о его отношеніи къ соціалистамъ.

Для правильнаго развитія націонализма нужны извѣстныя условія. Ихъ нѣтъ и появляются ненормальности, болѣзни.—началъ судья. Наиболѣе часто встрѣчаются слѣдующія отклоненія отъ нормальнаго развитія. Прежде всего, въ дни тяжкихъ испытаній, въ государствахъ отсталыхъ по временамъ, происходятъ вспышки изжитаго, насильническаго, племеннаго шовинизма. Эта примитивная форма націонализма губительна для современнаго государства. Увлеченный ею народъ стремится китайской стѣной отгородиться отъ сосѣдей и начинаетъ задыхаться въ атмосферѣ человѣконенавистничества и обособленности. Шовинизмъ, то заносчивый, то жалкій, постепенно возстанавлива-

етъ противъ себя всѣхъ и убаюкивая душу лестью и разслабляя самохвальствомъ, глубоко развращаетъ народъ и дѣлаетъ его совершенно неспособнымъ къ государственному строительству, требующему сейчасъ напряженія всѣхъ силъ страны.

Эпидемія шовинизма вспыхиваетъ иногда совершенно неожиданно и въ культурныхъ государствахъ, подъ вліяніемъ самыхъ разнообразныхъ причинъ, чаще всего, какъ отпоръ безшабашной агитаціи космополитовъ.

Изъ другихъ ненормальностей наиболѣе интересны различныя формы интеллигентскаго, такъ называемаго уѣзднаго національзма. Это лишенный живой связи съ жизнью и народомъ окаменѣлый національзмъ, нетерпимый и легко разсѣивающійся при попыткѣ осуществить его искуственную, въ кабинетахъ политическихъ честолюбцевъ выдуманную, программу.

Нѣкоторыя явленія этого порядка среди политическихъ кружковъ и мѣстной полуинтеллигенціи на окраинахъ Россіи заслуживаютъ болѣе подробнаго, отдѣльнаго обсужденія.

Гораздо сложнѣе вопросъ о взаимоотношеніяхъ національзма и соціализма.

— Я лично, продолжалъ судья, придаю огромное значеніе происходящему на нашихъ глазахъ рѣшительному столкновенію этихъ двухъ міросозерцаній. Думаю, что борьба ихъ является центромъ всѣхъ событій послѣднихъ лѣтъ. П.Б. Струве считаетъ русскую революцію опытнымъ опроверженіемъ соціализма. По его мнѣнію, она доказала, что соціализмъ несовмѣстимъ съ ростомъ производительныхъ силъ и что на основѣ равенства невозможна организація производства. Мнѣ представляется еще болѣе важнымъ, что въ наши дни, наконецъ, раскрывается лживость наивной вѣры въ соціализмъ, какъ въ свѣтлое ученіе, стремящееся къ свободѣ человѣка, заботящееся о его счастьи, обезпечивающее радостное творчество на благо ближняго. Кровавые годы русской смуты разоблачили безкорыстныхъ друзей страдающаго человѣчества.

Міровой войной и русской революціей сорваны

всѣ маски. Все, что осталось культурнаго на землѣ, съ ужасомъ шарахнулось въ сторону отъ неожиданно вынырнувшей страшной морды соціалистической гориллы. Передъ изумленными глазами человѣчества раскрылась опустошенная душа современнаго варвара, безъ вѣры, безъ чести, безъ любви къ родинѣ.

Всѣ увидѣли, что псевдо-научный соціализмъ только одна изъ изувѣрскихъ сектъ, извращающихъ человѣческую душу, губящихъ культуру и государственность. Теперь стало ясно, что вожди соціалистовъ не пророки, а служители тьмы, тянущіе обманутую толпу на дно кровавой пропасти одичанія и озвѣренія.

Переживъ все случившееся въ Россіи, мы можемъ понять жуткій смыслъ словъ Достоевскаго о сознательномъ стремленіи соціалистическихъ вождей „всякаго генія задушить въ младенчествѣ."

Кромѣ того, русская революція показала до чего можетъ дойти оставленная интеллигенціей толпа, лишенная сдерживающаго вліянія государственной организаціи и развращенная проповѣдью классовой ненависти и захватнаго права.

Параллельно съ разоблаченіемъ истинной природы соціализма происходитъ процессъ, проясненія въ сознаніи широкихъ круговъ русской интеллигенціи истиннаго значенія идей національной чести и долга и важности ихъ для постройки прочнаго фундамента многоэтажнаго зданія современнаго государства.

— Слава Богу, туманъ проходитъ. Русскіе все чаще начинаютъ вспоминать о національзмѣ, создавшемъ великія правовыя государства запада и обезпечившемъ свободу развитія европейской цивилизаціи.

Какія ухищренія не были бы пущены въ ходъ, соціалисты не могутъ оправиться послѣ провала страшнаго русскаго опыта. Жизнь навсегда осудила ихъ гнусныя формулы. Красная каторга исчезнетъ, уступивъ мѣсто честной, бѣлой государственной мысли.

Ученіе о долгѣ, чести, свободѣ творчества и величіи человѣческой личности одержитъ рѣшительную побѣду надъ проповѣдью сгущенной ненависти, все-

общаго равенства рабовъ и циничнаго презрѣнія а-человѣку.

У насъ въ Россіи часъ возобновленія національнаго творчества близокъ. Бѣлая мысль побѣждаетъ красный обманъ, безмысленный и безпощаднный.

Въ заключеніе, позвольте привести случайно сохранившійся у меня отрывокъ изъ старой статьи В. Шульгина „О націоналистахъ и соціалистахъ":

„Сущность національзма есть дѣйственная любовь къ своей націи и призывъ жить и умереть, если нужно для блага своихъ современниковъ.

— Сущность національзма есть глубочайшая преданность обширному союзу людей, когда то жившихъ, нынѣ живущихъ и даже тѣхъ, которые еще не родились-союзу именуемому націей.

Національзмъ есть ежедневное упражненіе въ самопожертвованіи, въ сомозабвеніи, школа, гдѣ человѣкъ учится работать для другихъ также, какъ для самаго себя.

Родинѣ нуженъ хлѣбъ, говоритъ націоналистъ крестьянинъ и старается, чтобы каждый клочекъ земли былъ засѣянъ и притомъ наилучшимъ способомъ. Родинѣ нужна промышленность, говорятъ націоналисты фабриканты и рабочіе и уменьшая остроту столкновеній, увеличиваютъ выдѣлку предметовъ, необходимыхъ людямъ. Родинѣ нельзя отставать отъ другихъ, говорятъ націоналисты инженеры, изобрѣтатели и новые пути въ наукѣ и техникѣ прокладываются ими.

— Родина прекрасна, говорятъ поэты, художники, мыслители и писатели и облагораживающая вереница идеализированныхъ образовъ струится на темную, грѣшную землю. Вотъ сущность національзма — дѣйственная любовь.

Совершенно обратное явленіе соціализмъ. Соціализмъ дѣйственная ненависть. У соціалистовъ нѣтъ родины. Отнять землю, уровнять всѣхъ —несется изступленный крикъ. Позвольте, но вѣдь въ Россіи будетъ страшный голодъ. Плевать намъ на Россію, пусть дохнутъ, зато помѣщики четверней ѣздить не будутъ, буржуи проклятые.

Отнять фабрики и заводы... Позвольте, но вѣдь въ Россіи не будетъ промышленности. Плевать хотимъ на Россію. Соціалистамъ плевать и на русскаго рабочаго... они вѣдь «любятъ все человѣчество»...

* * *

На обратномъ пути еще разъ пришли поклониться изумительному памятнику національнаго генія великаго народа.

Св. Софія потемнѣла. Солнышко уже не играло на золотомъ небѣ. Рѣзче высились колонны, какъ то по новому выступали впередъ просвѣты хоръ, строже глядѣла могучая громада алтарнаго овала. Молча сидѣли мы у фонтана. Въ храмѣ было тихо. Но вотъ откуда то со стороны вынырнула сгорбленная фигура старика муллы. Черезъ минуту подъ сводами задребезжалъ странный, скорбный крикъ. Онъ быстро растаялъ въ высотѣ, но на подмогу ему понеслись еще и еще жалобные, гортанные переливы. О великой трагедіи современной Европы напоминали они здѣсь, подъ сводами храма. Въ самомъ дѣлѣ, создавъ блестящую Культуру, много вѣковъ безъ соперниковъ царствуя на землѣ, заставивъ даже мертвый камень, мраморъ и золото, пѣть побѣдную пѣснь Богу—Любви, а самой хрипло кричать полныя ненависти и мелкой злобы слова, раболѣпствуя и пресмыкаясь предъ звѣрской силой красныхъ палачей...

Это ли не трагедія?!.

Мулла умолкъ. Ничто на нарушало больше тишины. Мы поднялись, но въ это время подъ куполомъ въ высотѣ появился встревоженный голубь. Онъ неспѣша пересѣкалъ огромное пространство. Мы съ затаеннымъ дыханіемъ слѣдили за каждымъ взмахомъ крыльевъ этого единственнаго близкаго вѣками думающимъ о невозвратномъ прошломъ громаднымъ сводамъ живого существа.

Съ лихорадочной быстротой заработалъ встревоженный мозгъ. Одна за другой выростали картины пережитаго. Чужая, грустная, какъ тяжелый вздохъ, молитва и рѣющій въ недосягаемой высотѣ голубь, взволновали усталое сердце. Въ темномъ углу, среди ста-

рыхъ колоннъ, вдругъ промелькнули съ дѣтства знакомыя царскія врата маленькой церкви далекаго сѣвера и вспомнилось. какъ старушка няня. складывала непослушные пальчики и ласково шептала: «Посмотри на голубка, да и помолись Духу-Святому. Только не шали. Онъ все видитъ!»...

Перекрестившись, молча уходили мы изъ храма, когда коричневатая темнота наступала со всѣхъ сторонъ. И только въ высоты спокойно смотрѣли на совершающееся на грѣшной землѣ огромныя очи главнаго купола, много видѣвшія, все понимающія...

VI.

КАХРІЭ--ДЖАМИ.

(Церковь въ Новой Россіи).

„Надо возрождать церковную жизнь, это сейчасъ самая важная патріотическая, культурная, даже политическая задача въ Россіи. Только отсюда изъ духовнаго центра и можетъ быть возрождена Россія.„

С. Булгаковъ. „На пиру Боговъ".

На всѣхъ нагнали тоску безконечныя развалины огромнаго пожарища. Люди ушли отсюда, проклиная безпощадную стихію, шутя уничтожившую все, что создавали они упорнымъ трудомъ многихъ поколѣній.Въ нѣмомъ протестѣ застыли покинутыя мечети, къ небу обративъ обнаженные скелеты своихъ полуразрушенныхъ минаретовъ. Безсильно покорны были безформенныя развалины тысячъ другихъ зданій. Много вѣковъ безъ устали здѣсь бурлила жизнь, сейчасъ тихо, какъ на кладбищѣ. Только изрѣдка виднѣются маленькіе сѣренькіе домики, кое-какъ пристроившіеся къ уцѣлѣвшей каменной стѣнѣ или высокой оградѣ.

Всѣхъ обрадовало сочное зеленое пятно, широко раскинувшихся фруктовыхъ деревьевъ, давно завоевавшихъ высохшіе пруды Юстиніана Великаго.

Наконецъ, мы имѣли возможность показать новичкамъ желтенькую церковку, скромно глядѣвшую на насъ среди заплатъ, заборовъ и лачугъ. Это и былъ храмъ древнѣйшаго греческаго монастыря, нынѣ мечеть Кахріе-Джами, чудесно сохранившая подъ своими невысокими сводами единственный въ мірѣ коверъ несравненныхъ мозаикъ.

Султанъ Абдулъ-Азисъ приказалъ сбить штукатурку и съ тѣхъ поръ въ куполахъ, на сводахъ и по стѣнамъ сіяетъ богатѣйшая галлерея чудесныхъ образовъ, нынѣ навсегда умершаго искусства.

Въ крытой паперти они сохранились хорошо, но

въ самомъ храмѣ кто то сложилъ мебель, она сгорѣла и только сѣровато-лиловые, дымкой затянутые, точно уходящіе отъ насъ Спаситель и Божія Матерь напоминаютъ, что здѣсь когда-то, вмѣсто грубой извести, переливались и сверкали эти волшебные камушки, уложенные рукой неизвѣстнаго художника 500 лѣтъ тому назадъ и все такіе же радостные, живые, волнующіе душу.

Пришлось повозиться съ новичками. Показали имъ прелестный, скорбный ликъ русской Богородицы, «Мѣсто Невмѣстимаго», болѣе суроваго, Христа, названнаго древней греческой вязью «Страной Живыхъ». Затѣмъ еле оттащили отъ несравненныхъ фигуръ апостоловъ Петра и Павла, рвущихся со стѣнъ, готовыхъ итти крестить во имя Отца, Сына, и Святаго Духа. Полныя жизни бытовыя сцены, богатѣйшихъ по краскамъ и костюмамъ пророковъ, всюду разбросанный цвѣточный и фигурный орнаментъ смотрѣли уже въ разбродъ. Показать фрески не удалось, въ томъ придѣлѣ зачѣмъ то живутъ солдаты. Художникъ приходилъ въ ярость отъ недостаточно внимательнаго, по его мнѣнію, отношенія къ той или иной иконѣ и своими дѣльными, полными любви и знанія замѣчаніями, какъ всегда, всѣмъ мѣшалъ, ибо Кахріэ-Джами нужно прежде всего полюбить, а для этого лучше всего молча, подолгу смотрѣть одному. Тогда скорѣе проберется глубоко въ душу эта таинственная, полная изысканныхъ изломовъ, тонкая и въ тоже время такая простая красота. Конечно, многіе не удержались, чтобы не вспомнить такой же разнообразный, но увы, блѣдный коверъ фресокъ ярославскихъ, ростовскихъ и костромскихъ церквей. Всѣ должны были на этотъ разъ согласиться, что согрѣтыя глубокой вѣрой, дѣтски непосредственныя и по временамъ весьма искусно исполненныя работы родныхъ мастеровъ делекаго сѣвера должны скромненько отойти въ сторону передъ растилающимися здѣсь, по восточному сказочно богатыми, по западному мудрыми, глубокими образами. Чтобъ не сбить съ толку пришедшихъ сюда въ первый разъ и не притупить остроту и свѣжесть ихъ впечатлѣній, скоро осмотръ прервали.

Неподалеку удобно расположились на верхушкѣ расколотой временемъ башни внѣшней стѣны, откуда были одинаково хорошо видны и городъ, и поля и море.

— Ну, батюшка, пристали мы къ священнику, сегодня вашъ день: что скажете?

— Да говорить нечего, — просто началъ тотъ, — вотъ видите: развалины, обломки, пустыри, все это ваша работа—военныхъ, политиковъ, журналистовъ, желавшихъ войны и революціи. А Кахріе-Джами, сохранившая всѣ свои сокровища среди пожарища — это извините, наше. Такъ вотъ идите къ намъ, кайтесь и давайте дружно работать вмѣстѣ.

— Спасибо, улыбнулся художникъ, только, батюшка, сознайтесь, что на пожарищѣ и безъ васъ не обошлось, тоже руку приложили.

— Что грѣхъ таить, — спокойно отвѣчалъ священникъ,—кто Богу не виноватъ?

— Безъ церкви ничего не сдѣлаете: видѣли надпись — «Страна Живыхъ», —это вѣрно — церковь жива, нетронута. А позвольте спросить: что уцѣлѣло отъ созданныхъ вами кумировъ? Сознайтесь, что пусто и тяжело на душѣ, послѣ урагана войны и революціи.

— Я съ вами совершенно согласенъ, — началъ полковникъ, — церковь будетъ играть огромную роль въ строительствѣ новой Россіи. Я вѣрю въ русскую реформацію, обновленная, очистившаяся отъ старыхъ грѣховъ церковь будетъ однимъ изъ самыхъ мощныхъ культурныхъ факторовъ.

— Охъ, какъ я не люблю этихъ толковъ о реформаціи въ Россіи, возразилъ священникъ. Повѣрьте, никакой реформаціи не будетъ и не нужно ее вовсе. Все это опять ваши интеллигентскія выдумки.

— Вѣдь, вспомните, у насъ не церковь опустилась, не она потеряла способность руководить жизнью, а вы, господа россійскіе интеллигенты, сами просто сложили свои чемоданы и эвакуировались изъ православной церкви, не забывъ захватить и никогда не принадлежавшаго вамъ имущества. А власть православная поступила съ нами точь-въ-точь, какъ турки.

Пришла и замазала наши многоцвѣтныя мозаики грубой охрой, которой по штату полагалось подмалевывать весной и мѣстное полицейское управленіе и пожарную каланчу.

Прошли вѣка, но и у насъ, какъ здѣсь, мозаики цѣлы, а штукатурка обвалилась.

— А вы, что продѣлывали въ это время? Помните въ книгѣ о. Сергія Булгакова богословъ утверждаетъ, что даже большевистскія кощунства должны уступить пальму первенства дореволюціоннымъ гоненіямъ на церковь, осуществлявшимся молчаливымъ презрѣніемъ и общимъ бойкотомъ. О. Сергій правъ. Передъ интеллигенціей стоитъ дилемма, или духовно возродиться или просто сгинуть заживо, исторически умереть.

А о церкви православной не безпокойтесь, она обезкровлена, но жива, нуждается въ ремонтѣ ея зданіе, но перестройки намъ не нужны, фундаментъ проченъ. А вотъ ваши идолы соціализма и революціи дѣйствительно сгнили и издаютъ нестерпимое зловоніе.

— Позвольте, батюшка, — не унимался полковникъ, — но вѣдь вы не отрицаете необходимости возрожденія церковной жизни.

— Боже упаси, — согласился священникъ. Оно началось, я привѣтствую его отъ всей души. Я никогда не испытывалъ такого умиленія, какъ здѣсь, на чужбинѣ, молясь въ храмахъ изъ полотна, консервныхъ банокъ и старыхъ ящиковъ, переполненныхъ вернувшимися въ родную церковь русскими людьми.

— Вы напрасно не побывали на засѣданіяхъ церковнаго собранія, тамъ узнали бы, какъ совершается это возрожденіе церковной жизни, вы увидѣли бы сенаторовъ, боевыхъ офицеровъ, молодыхъ ученыхъ, журналистовъ и другихъ представителей интеллигенціи, всѣ они по настоящему работаютъ въ важнѣйшей ячейкѣ живого церковнаго организма —въ приходѣ. Рядомъ съ ними вы увидѣли бы «простецовъ», безъ разсужденій, всей душой рвущихся къ церкви...

— Только простите меня, старика, не скрою, кое-кто изъ васъ приходитъ въ церковь, крестясь правой и держа камень въ лѣвой рукѣ.

— Ну, что вы, батюшка, — взмолился художникъ.

— Вы не обижайтесь, отвѣчалъ священникъ, я правду говорю, и камень этотъ—все та же ваша политика. Возрожденіе церкви вы хотите использовать въ своихъ цѣляхъ, сдѣлавъ и въ Новой Россіи церковь однимъ изъ министерствъ. Вы искренне вѣрите, что это такъ и нужно и съ ясной душой и открытымъ сердцемъ протягиваете свой камень вмѣсто хлѣба. А другіе мечтаютъ объ обращеніи храмовъ въ музеи и картинныя галлереи, улыбнулся священникъ оборачиваясь къ художнику.

Тотъ только руками замахалъ въ знакъ протеста.

— Это ничего, церковь радуется вашему возвращенію. Она широко открываетъ свои двери и политикамъ и эстетамъ и историкамъ искусства. Приходите и работайте. Сейчасъ каждый на счету. Культурныя русскія силы разгромлены. Можетъ быть еще никогда мы не были такъ слабы, какъ сейчасъ. Люди много дороже золота.

— Повторяю, идите къ намъ всѣ, только помните: въ чужой монастырь со своимъ уставомъ не ходятъ.

— А все таки, батющка, васъ что то безпокоитъ въ этомъ возвращеніи интеллигенціи въ церковь, не правда ли? — спросилъ судья.

— Вы совершенно правы, — вздохнулъ священникъ, — скрывать не буду, боюсь этой самой реформаціи, интеллигентскаго протестантизма, такъ чуждаго нашему православію. Придете и завоюете, вѣдь своихъ культурныхъ силъ у насъ сейчасъ такъ мало. А потомъ буду говорить прямо. Величайшимъ сокровищемъ, возвращеннымъ церкви сейчасъ, считаю ея прочную, организованную связь съ толщей вѣрующихъ, ея демократизмъ, если хотите, какъ ни загажено это слово. А среди васъ, интеллигентовъ, такъ много рево-

люцiонеровъ и демократовъ по кличкѣ. И они придутъ къ намъ, воспитанные въ сектантскомъ фанатизмѣ, озлобленiи, нетерпимости и много горя могутъ принести православной церкви.

— Все это, конечно, мелочи передъ несомнѣннымъ, огромнымъ фактомъ начавшагося религiознаго подъема, здѣсь и въ совѣтской Россiи. Онъ будетъ имѣть колоссальное значенiе для всей послѣдующей исторiи нашей несчастной родины. Глубоко вѣрю, что жизнь сгладитъ всѣ острые углы. Пополненныя новыми силами церковныя организацiи будутъ изо всѣхъ силъ работать надъ возрожденiемъ Россiи.

Ходите почаще въ церковь, просите у Творца Вселенной силъ и душевной бодрости для великаго дѣла спасенiя родного государства, пейте изъ чистаго источника вѣры Христовой, учитесь любить и прощать... Только, ради Бога, не вздумайте продолжать въ церкви споры и раздоры изъ-за партiйныхъ программъ, тактическихъ резолюцiй, не идите туда для завершенiя своей политической карьеры...

— Ну, заговорился, пора, — заторопился священникъ. Да Благословитъ васъ Господь!

Онъ началъ прощаться. Поднялись и мы.

VII.

ДОМА ЗА ЧТЕНІЕМЪ.

(Интеллигенція, рабочіе, крестьянство).

„Я не гвардеецъ. Я также мало аристократъ, какъ и демократъ. Я принадлежу къ тому среднему классу, который жнетъ тамъ, гдѣ не сѣялъ. Все наше-Пушкинъ нашъ и Шевченко-нашъ.

Все русское наше. Аристократія и демократія намъ одинаково близка, поскольку она русская, поскольку она талантлива и прекрасна, поскольку она наше прошлое и будущее.

Аристократія и демократія намъ одинаково далеки, поскольку они узко-классовы, поскольку онѣ изящно надменны или глубоко фамильярны.

Я глубоко скорблю надъ угасающими, сходящими на нѣтъ старинными родами, я радуюсь нарожденію новыхъ, „входящихъ", которые „сами себѣ предки".

Я жну тамъ, гдѣ не сѣялъ. Все высокое, красивое и сильное русское мое и я ношу мое право на нихъ на остріи моей любви къ Россіи.

Я люблю ее всю, съ аристократами и демократами, дворцами и хатами, богатыми и бѣдными, знатными и простыми.

Ибо всѣ нужны. Какъ нужны корни, стволъ, листья... и цвѣты".

В. Шульгинъ.

Пошелъ дождь. Вода — начало всего, говоритъ Коранъ, и его вѣрные послѣдователи заволновались, разставляя кувшины и банки.

Черезъ часъ небольшой садикъ домика, въ которомъ мы собрались, былъ неузнаваемъ. Все ожило, заблестѣло.

Прогулку пришлось отмѣнить. Намъ предложили газеты и журналы. Отдѣльныя замѣчанія по поводу прочитаннаго скоро перешли въ бесѣду. Начали на этотъ разъ дамы. Какъ надоѣли мнѣ эти споры объ интеллигенціи, рабочихъ, крестьянахъ, воскликнула одна изъ нихъ, бросая газету.

— Нѣтъ, помилуйте, очень интересно, возразилъ офицеръ. По всему фронту идетъ борьба со старыми предразсудками. Изъ узенькихъ переулковъ, по которымъ водили насъ за носъ народопоклонники эс-эры. и фанатики марксисты, мы выходимъ на широкую дорогу.

— Читайте Бунина, Булгакова, Струве, Шульгина, поддержалъ его художникъ, все это очень интересно. О настоящемъ русскомъ человѣкѣ безъ партійной или классовой бляхи вспомнили!

Заговорили о наступающемъ торжествѣ „сильныхъ и умныхъ", которые должны придти на смѣну подлымъ и наглымъ.

— Я въ это не вѣрю, сказала одна изъ курсистокъ. Послѣ страшныхъ ударовъ войны и революціи русская интеллигенція обезсилена навсегда. Прочтите интересныя наблюденія объ утомленности нашей молодой расы, интеллигенція дѣйствительно выродилась.

— Что вы! что вы! замахалъ на нее руками офицеръ. Усталость, конечно, есть. Отдѣльныхъ примѣровъ вырожденія можно привести сколько угодно. Но не слѣдуетъ преувеличивать. Вѣдь въ той же статьѣ о нашей усталости вы найдете указанія на то, что ряды русской интеллигенціи безпрерывно пополнялись снизу, деревней. И сейчасъ въ толщѣ народа не перевелись сильные и умные, національный подъемъ сдѣлаетъ изъ нихъ аристократовъ, т. е. лучшихъ. Они пополнятъ наши ряды и будутъ работать вмѣстѣ. А утвержденіе, что мы сплошь неврастеники, которые женившись на истеричкахъ, способны дать только бомбистовъ-это типично интеллигентское преувеличеніе. Національно стойкая русская интеллигенція жива и зоветъ въ свои ряды всѣхъ любящихъ Россію и изцѣлившихся отъ тяжелаго недуга увлеченій псевдокрестьянской или рабочей классовой психологіей.

Но сегодня былъ день споровъ. Совершенно неожиданно среди нашей молодежи оказался «скифъ». Онъ отрекомендовался, его бурно привѣтствовали.

— Разрушительная сила чужой культуры изсушила русскую интеллигенцію, — началъ онъ. Мы зо-

вемъ васъ на новыя дороги. Мы утверждаемъ, что сейчасъ въ мірѣ происходитъ перемѣщеніе культурныхъ центровъ. Однимъ изъ нихъ будетъ Россія. Русскіе создадутъ новую культуру: европейско-азіатскую. Война и большевизмъ показали, что Европа не въ силахъ вести за собою человѣчество. Одно изъ первыхъ мѣстъ въ мірѣ будетъ принадлежать Россіи. Такъ думаемъ мы—скифы. Напрасно считаютъ насъ послѣдователями славянофиловъ или смѣшиваютъ съ проповѣдывающими духовный максимализмъ эс-эрми, тоже иногда называющими себя скифами. Мы враги всякаго интернаціонала. Мы идемъ своей дорогой. Мы вѣримъ въ Россію, которая воскреснетъ «всѣмъ наперекоръ».

— Позвольте, отрывкомъ стихотворенія близкаго къ намъ по настроеніямъ поэта, иллюстрировать нашъ взглядъ на современное положеніе міра:

«Культура царствуетъ надъ міромъ
Подъ лязгъ зубчатыхъ шестеренъ,
И вновь владыкой и кумиромъ,
Сталъ смертью дышащій мамонъ.

И лишь, далеко, на востокѣ.
Еще мерцаетъ свѣтлый лучъ;
Тамъ чувства чистаго потоки,
Родитъ мечты горячій ключъ.

И къ міру, вымершему чувствомъ.
И осмѣявшему Творца,
Но замѣнившему съ искусствомъ.
Пружиной души и сердца.

Придетъ съ востока въ блескѣ свѣта.
Ведя безчисленныхъ бойцовъ.
Мечта пророка и поэта,
Спасенье западныхъ скопцовъ ...

Россія — Царь дѣвица сказки,
Чтобъ русской кровью обновить.
Кровь вымирающихъ, закваски,
Чтобъ новой въ прежній міръ подлить.

Чтобъ слить съ безжизненной культурой
Кипучихъ чувствъ живой родникъ...
И къ жизни новой Западъ хмурый,
Разбудитъ царственный востокъ!

— Боже мой, сколько молодого задора и какая вѣра въ Россію, — сказалъ инженеръ.

— По совѣсти говоря, я лично въ Наполеоновскомъ открытіи: поскреби русскаго и увидишь татарина, ровно ничего хорошаго не вижу и азіатомъ быть не собираюсь.

Не нужно забывать, что всѣ толки славянофиловъ и Герцена о близкой смерти запада оказались только красивой лирикой.

Скифъ нечего не отвѣтилъ, на него сылались все новые и новые разспросы. Мы узнали, что здѣсь, въ Константинополѣ, ихъ кружокъ работаетъ, совершенно пока не заботясь о распространеніи своихъ идей.

Съ трудомъ удалось прекратить начавшійся разгораться споръ съ представителэмъ новаго теченія русской мысли и возобновить бесѣду.

— Каковъ же вашъ взлядъ на рабочихъ и крестьянъ Новой Россіи? — спросилъ инженера офицеръ.

— Хоть въ нашей средѣ и появились скифы, — началъ тотъ, улыбаясь, — а все таки, думая о будущемъ родной страны, намъ постоянно приходится оглядываться на западъ. А тамъ происходятъ любопытнѣйшія вещи. Стремленіе соціалистическихъ вождей создать изъ фабричныхъ рабочихъ нѣчто вродѣ индусской касты не увѣнчалось успѣхомъ. Рабочимъ съ каждымъ днемъ становится все труднѣе и труднѣе играть роль «бароновъ», безпечно пирующихъ въ дни національныхъ бѣдствій родной страны, подъ надежной защитой демократическихъ привиллегій, вырванныхъ у общества забастовками и терроромъ. Со всѣхъ сторонъ растетъ все болѣе и болѣе организованное противодѣйствіе ихъ ненасытнымъ аппетитамъ. Даже въ средѣ самихъ рабочихъ, особенно въ странахъ побѣжденныхъ, растетъ сознаніе общности національныхъ интересовъ. Всюду стремится объединить и сгладить

классовыя противорѣчія національно-стойкая интеллигенція, среди которой нѣтъ недостатка и въ вышедшихъ изъ рабочей среды.

Теперь уже безспорно, что русскій опытъ научилъ многому.

— Неужели же въ самомъ дѣлѣ намъ судьбой предуказана роль спасительницы Европы? — задумчиво спросилъ офицеръ, То отъ татаръ обороняли, то залпомъ выпили огромную дозу соціалистическаго яда!

— Пути Провидѣнія неисповѣдимы, — отвѣчалъ священникъ, — но отрицать элементъ жертвенности въ нашей исторіи нельзя.

— Вернемся къ темѣ,—предложилъ инженеръ: въ Ближайшіе годы рабочіе не будутъ играть въ Новой Россіи большой роли, во первыхъ по малочисленности, а во вторыхъ, въ виду наступленія естественной реакціи послѣ пережитыхъ увлеченій, все наше вниманіе должно быть сосредоточено на деревнѣ.

Въ земледѣльческихъ странахъ на западѣ, уже сейчасъ происходитъ организація и усиленіе политическаго вліянія деревни. Главнымъ образомъ, силами деревни будемъ строить и мы наше національное государство. Россія исполнила желаніе Бисмарка и надѣла на себя красное ярмо, чтобъ показать міру прелести соціалистическаго рая на землѣ. Будемъ надѣяться, что насъ минетъ чаша увлеченій политикой узко-классовой крестьянщины. Конечно, наши с.-р. сдѣлаютъ попытки опять завлечь въ туманъ демагогическихъ обмановъ развращенные революціей слои деревни, но я вѣрю, что усилившіяся религіозныя и національныя теченія помогутъ здоровой части крестьянства избѣжать соблазна. Деревня не поддастся на новую провокацію, тѣмъ болѣе, что эс-эрскія обѣщанія очень ловко использованы большевиками. Проникнутая идеями націонализма, русская интеллигенція найдетъ общій языкъ съ крестьянствомъ.

Изучайте идеи и формы крестьянскаго движенія на западѣ. Самое интересное происходитъ въ Болгаріи, гдѣ всѣмъ распоряжается могучій крестьянскій союзъ. Намъ нужно учиться у лидера крестьянскаго

движенія министра Стамбулійскаго не только тому, что надо дѣлать, но и чего ни въ коемъ случаѣ дѣлать не слѣдуетъ

Письма изъ Россіи пестрятъ указаніями, что уже и сейчасъ деревня протягиваетъ руку примиренія интеллигенціи.

Культурная спайка между деревней и нами имѣетъ огромное будущее.

— Сейчасъ, впрочемъ, нужно думать не объ этомъ, сказалъ онъ, поднимаясь и показывая на висѣвшую на стѣнѣ карту Россіи — посмотрите, на всемъ этомъ необъятомъ пространствѣ несутся къ небу мольбы, стоны и проклятья умирающихъ съ голода!

— Каждый лишній день тираніи большевиковъ несетъ смерть тысячамъ взрослыхъ, женщинъ и дѣтей.

— Доколѣ, о Господи!

Мы впились въ огромную, нѣмую карту, всѣми своими линіями громко кричавшую о потрясающихъ, о небывалыхъ страданіяхъ!...

— Доколѣ, о Господи!.. — повторялъ каждый про себя и не упрекомъ, не дерзкимъ вопросомъ, а страстной, захватившей все существо, мольбой полны были эти слова...

———

VIII.

НА ОСТРОВАХЪ.

(О русской арміи.)

Когда и какъ мы не знаемъ, безспорно давно какой то исполинъ разбросалъ въ Мраморномъ морѣ острова и островки, съ грудами сѣрыхъ и темнокрасныхъ камней, поросшихъ соснами, напоминающими о Россіи.

Много вѣковъ прошло съ тѣхъ поръ. На недосягаемую высоту вознеслась невдалекѣ раскинувшаяся міровая столица, чтобы затѣмъ медленно, столѣтіями умирать среди чужихъ, непонимающихъ, враждебныхъ. Теперь все залилъ потокъ новыхъ, мелкихъ. юркихъ людей. Прочно засѣли они и на островахъ. У самаго чудеснаго моря толпятся ихъ убогіе лавченки. кабачки, гдѣ надоѣдливо тренькаетъ шарманка и изступленно кричитъ охрипшій граммофонъ. Повыше крошечные домики, ихъ почему то не сдунетъ вѣтеръ и убого нарядныя, наглыя дачи. Сейчасъ нѣкоторые изъ острововъ напоминаютъ дачные поселки для желѣзнодорожниковъ на югѣ Россіи. Тѣ же растрепаннаго вида дамы, шлепающія по улицѣ въ туфляхъ на босу ногу или яростно ругающіяся изъ-за пустяковъ. Почтеннаго тѣлосложенія юноши въ сопровожденіи черезчуръ восторженныхъ дѣвицъ. Всюду грязныя, но веселыя дѣтишки. На перекресткахъ толкучка. Рядомъ съ овощами, грудой стараго трепья, драгоцѣнности: ложки и подстаканники, кѣмъ то подаренные „въ день Ангела“.

Невдалекѣ отъ этихъ „нашихъ дней“ на островахъ живы остатки невозвратнаго прошлаго. Пройдите дачи, не полѣнитесь пересѣчь усыпанныя бумажками и скорлупой тропинки и вы попадете въ иной міръ. То вамъ покажутъ дремлящія подъ покосившейся черепицей византійскія церкви, полныя древнѣйшихъ иконъ, фресокъ и миніатюръ въ оправѣ изъ перла-

мутра и богатѣйшей восточной рѣзьбы. То рядъ кипарисовъ приведетъ къ крошечному монастырю, гдѣ, какъ изъ подъ земли выростетъ сгорбленная фигура живущаго на покоѣ патріарха и онъ заговоритъ о быломъ величіи Россіи на вашемъ родномъ языкѣ и т. п.

Такъ, свернувъ съ дороги, побрели мы какъ то на островѣ Халки, пока не остановились передъ маленькимъ деревяннымъ домикомъ. Изъ разспросовъ выяснилось, что это скитъ Св. Спиридонія. За церковью, посреди которой стоялъ круглый обѣденный столъ, мы нашли чудесную площадку надъ обрывомъ. Греческіе монахи умѣли выбирать мѣста не хуже русскихъ. Расположились. Были выбраны депутаты для переговоровъ съ мѣстнымъ населеніемъ. Они вернулись и разсказали, что въ скиту живетъ одинъ старикъ монахъ-настоятель и сторожъ, огородникъ и пчеловодъ. Онъ принялъ ихъ очень мило и пригласилъ въ свою комнату, гдѣ на вопросъ, какъ онъ выучился такъ хорошо говорить по русски, молча указалъ на висѣвшую на стѣнѣ карточку. Къ огромному удивленію наши посланные увидѣли группу русскихъ студентовъ. Знакомыя лица профессоровъ Никитина, Фойницкаго, Коркунова, Сергіевича и др. не оставляли сомнѣній: сторожъ скита Св. Спиридонія на островѣ Халки окончилъ юридическій факультетъ Петербургскаго Университета...

На вопросъ, какъ онъ попалъ сюда, старикъ отдѣлался шуткой: „вотъ и вы сейчасъ на нашемъ островѣ, все судьба, отъ судьбы не уйдешь".

— Да, эта правда, сказалъ судья, только судьба могла занести сюда и насъ и нашего коллегу.

— Охъ судьба, судьба! сказалъ полковникъ. Образъ грозной, неумолимой Мойры преслѣдуетъ меня всегда, когда я думаю о томъ, что случилось съ Русской Арміей. Вотъ ужъ дѣйствительно только древне-греческій трагикъ, вѣрящій во всемогущество предопредѣляющей богини судьбы, можетъ понять то, что случилось.

Мы всѣ тѣсно связали свою судьбу съ арміей и разговоръ сразу же принялъ общій характеръ.

— Да, судьба русской арміи самое чудесное изъ всего, что случилось, сказалъ докторъ. Вспомните, многомилліонная громада, три года лившая потоки крови за честь и счастье родной страны, вдругъ добровольно, почти безъ выстрѣла, отдаетъ все за что боролась и предаетъ себя въ мартѣ 17-го года. А затѣмъ новая, невѣроятная картина: пятьсотъ-тысячное офицерство и нѣсколько милліоновъ интеллигентовъ въ какомъ то оцѣпененіи, безучастно наблюдаютъ за героической борьбой ничтожнаго меньшинства съ насильниками и палачами. Гибнутъ тысячами отъ руки палачей и все таки не трогаются съ мѣста, пока ихъ насильно не загоняютъ въ ряды красной арміи.

— Да, это до сихъ поръ плохо укладывается и у меня въ головѣ! Согласился инженеръ.

— Вспомните Добровольческую армію, подхватилъ судья. Это фантастическая сказка! Подобнаго исторія не знаетъ!

А походъ дѣтей, женщинъ и легендарныхъ героевъ, названный Ледянымъ, когда огонь любви къ Россіи, горѣвшій у всѣхъ до послѣдняго обознаго, растопилъ ледъ и десятки разъ разломалъ желѣзное кольцо со всѣхъ сторонъ насѣдавшаго противника.

— Боже мой, сколько героизма, сколько жертвъ! заволновался офицеръ.

— Я часто думаю надъ судьбами русской арміи, началъ священникъ и сознаюсь тоже многаго не понимаю.

— Что же именно батюшка? спросили его

— Самое для меня трудное, отвѣчалъ онъ, уяснить себѣ взаимоотношенія между рядовымъ обывателемъ и его соратниками, развращеннымъ въ тыловыхъ клоакахъ и нетронутымъ, почти святымъ русскимъ офицеромъ, перенесшимъ непереносимое, совершившимъ неописуемое.

По новой термонологіи связь между сѣрыми, грязными и бѣлыми. Вѣдь всѣ трое рядомъ, въ ногу, шли въ рядахъ арміи.

Вспомните, вначалѣ велъ бѣлый, всѣ терпѣли лишенія, безропотно гибли отъ тифа и пуль, но неу-

держимо шли впередъ. Когда побѣда была близка и нужно было сдѣлать послѣднее усиліе, сѣрые и грязные отстали, бѣлые пошли умирать, сражаясь одинъ противъ ста. Когда всякій здравомыслящій человѣкъ видѣлъ, что все погибло, всѣ вновь возвратились на свои мѣста и нанесли врагу рядъ сокрушительныхъ ударовъ. Поистинѣ нѣчто небывалое.

— Да, всякій бывшій въ Крыму знаетъ, подтвердилъ офицеръ, что тамъ Русская Армія побѣждена не была. Напоивъ досыта своею кровью родную землю, она ушла подъ напоромъ красныхъ полчищъ.

И въ итогѣ „трехлѣтнихъ страданій, борьбы, пламенной вѣры, неугасимой надежды и неисчерпаемой любви къ Россіи“—бѣлый Галлипольскій городокъ. Что это въ самомъ дѣлѣ, спросилъ инженеръ, много или мало?

— Конечно, много, отвѣчалъ полковникъ, теперь ужъ видно, какое огромное вліяніе будетъ имѣть въ Новой Россіи эта подвигами и страданіями въ скалу слитая масса.

Русская армія спасла нашу честь. Она одна не подчинилась насилію. Подняла знамя борьбы среди непротивленцевъ и всей этой холодной, скользкой и квакающей нечисти! Какъ презирали у насъ офицера! А теперь, пусть бы рѣшили помѣряться съ рядовымъ галлипольцемъ всѣ эти наблудившіе парижскіе политики, второй годъ стирающіе партійныя тряпки, промотывая кровью адмирала Колчака политое золото! Не даромъ они такъ боятся арміи!

— Они меня нисколько не удивляютъ, вставилъ художникъ, но обратите вниманіе на безучастное отношеніе къ арміи многихъ иныхъ.

Каждый разъ повторялось одно и тоже: израненные, чудомъ уцѣлѣвшіе бойцы подвергаются новымъ мученіямъ. Вспомните судьбу войскъ генерала Юденича, генерала Бредова, отрядовъ ушедшихъ изъ Одессы, наши Галлиполи и Лемносъ. Всюду болѣзни, проволока, издѣвательства!

— Все это вѣрно, сказалъ священникъ, но въ этихъ новыхъ лишеніяхъ виноваты меньше всего рус-

скіе. И армія знаетъ это. Въ толщѣ бѣженства произошелъ рѣшительный поворотъ въ сторону арміи. Недаромъ изъ далекихъ уголковъ Азіи, Африки и Америки сыплются привѣтствія и выраженія сочувствія Арміи и ея вождямъ, самоотверженно борющимся за русскую честь.

Защита неприкосновенности русской арміи, прибавилъ полковникъ, объединила и широкій политическій фронтъ отъ поумнѣвшаго Бурцева до монархистовъ Рейхенгаля.

— Но всего важнѣе для меня, продолжалъ онъ,— это глубокій процессъ національнаго самовоспитанія, происходящій въ рядахъ самой арміи.

Присмотритесь повнимательнѣе къ военной учащейся молодежи. Это лучшіе изъ лучшихъ, прошедшіе сотни соблазновъ, вѣрные до конца. Какъ твердо, горячо и сознательно они любятъ Россію. И какая требовательность къ самимъ себѣ! Какая внутренняя спайка, сколько спокойнаго, сознательнаго презрѣнія къ перелетамъ, ловчиламъ и политическимъ стряпухамъ. Въ арміи происходитъ глубокій процессъ возрожденія. Послѣдствія его не поддаются учету, заговорилъ всегда молчавшій „сѣрый“ герои, рядовой офицеръ—подвижникъ.

Галлиполи, не даромъ зовутъ Запорожской Сѣчью XX вѣка, или военнымъ монастыремъ. Въ самомъ дѣлѣ, это огромный Пастеровскій институтъ, гдѣ дѣлаютъ прививки, навсегда предохраняющія отъ бациллъ разложенія.

„Долина розъ и смерти“ дѣлается настоящимъ разсадникомъ идей государственнаго національизма, которыя прочно спаяютъ ряды арміи Новой Россіи.

Тамъ бьетъ родникъ чистой, бѣлой мысли.

— Да, армія идейно укрѣпилась очень сильно, согласился судья. Она широкую, грудью дорогу проложитъ себѣ.

— Увы, въ эту пору прекрасную жить не придется ни мнѣ, ни тебѣ? спросила его жена, улыбаясь.

— Кто знаетъ?! спокойно отвѣчалъ судья. Дѣло не въ насъ. Самое важное: русская армія су-

ществуетъ. Брошенная всѣми, многократно преданная, обманутая, обойденная съ тыла, она пронесла незапятнанными свои знамена. Она жива, готова къ новой борьбѣ за Россію. Это безспорный историческій фактъ, хорошо извѣстный всѣмъ врагамъ Россіи.

Русская армія сейчасъ не группа зазнавшихся генераловъ, не уцѣлѣвшіе полки. Это всѣ тѣ, кого объединили и воодушевили три года безпримѣрной борьбы, лишеній, страданій и героизма, равнаго которому не знаетъ исторія. Они единственно морально побѣдившіе. Это ядро, зародышъ силы будущей Россіи.

При этихъ словахъ всѣ вздорогнули. Направо, на азіатскомъ берегу застучалъ пулеметъ. Обернулись, и вдругъ вдали надъ герой вытянулся сѣрый столбъ разрыва. Это войска короля Константина отражали атаки кемалистовъ. Всѣ жадно прислушивались къ знакомымъ звукамъ и не знали не намекъ ли это на близость и нашей послѣдней, рѣшительной схватки.

Тихо было у св. Спиридонія. Чуть пѣнилась внизу у изгрызанныхъ камней ярко-зеленое море. У обрыва рѣяли чайки. Налѣво бѣлѣли какія то развалины на каменистомъ, давно покинутомъ людьми островѣ. Всѣ молчали.

— А братъ мой умеръ, пишетъ однополчанинъ изъ Каира,—сказалъ офицеръ, бережно развертывая какую то желтенькую, измятую бумажку. Мы съ покойнымъ вмѣстѣ въ гимназіи учились и мнѣ переслали его послѣднее письмо. Это что то вродѣ завѣщанія, «неизвѣстнаго» русскаго офицера, погибшаго за родину. Въ бронзѣ и мраморѣ возвеличитъ его подвиги на площадяхъ своихъ городовъ Новая Россія, навсегда въ сердцѣ своемъ сохранитъ благодарную о немъ память, а пока, пока онъ продолжаетъ умирать на посту, ибо „смѣна не пришла“.

Авторъ письма тоже умеръ, не то отъ голода не то отъ скоротечной чахотки, всѣми брошенный гдѣ то въ Польшѣ. Это послѣднее письмо его, а полно бодрости, почти радостное.

Начинается оно такъ:

„Дорогой Сережа, что бы съ тобой не случилось, всѣмъ сердцемъ люби Россію, далекую, но Родную, поруганную и все же Великую. Вѣрь въ ея свѣтлое будущее! Не унывай, родной, терпи до конца. Обо мнѣ не безпокойся“...

— Вотъ она, наша военная молодежь, взволнованно сказалъ священникъ, поднимаясь:

„Да объединятъ эти простыя слова всѣхъ русскихъ на чужбинѣ“!

Мы встали и пошли прощаться съ радушнымъ хозяиномъ.

IX.

ПО БОСФОРУ.

(О Новой Императорской Россіи).

Бодрящей прохладой дышало море. Легкій вѣтерокъ дѣлалъ его серебристую поверхность похожей на полный неожиданныхъ изгибовъ узорчатый коверъ восточныхъ фаянсовъ, такихъ же прозрачныхъ, созданныхъ радовать глазъ усталаго человѣка.

Всѣ сразу ожили послѣ пыли и сухой духоты улицъ и впились въ разворачившуюся по сторонамъ величавую панораму Босфора.

Много вѣковъ смотрятъ здѣсь и не насмотрятся другъ на друга Европа и Азія, двѣ сестры, всегда враждовавшія, непримиримыя, чужія.

Раньше, говорятъ, не было этой узенькой, серебристо-зеленой полоски. Сестры были сросшимися близнецами. Мы не знаемъ, когда именно могучій вулканъ разорвалъ здѣсь землю и навсегда прорубилъ окно въ Россію.

Медленно уплывалъ городъ, все тоньше становились минареты Стамбула, вотъ промелькнула неуклюжая, огромная коробка германскаго посольства, а внизу потянулся дворецъ Долма-Бахче, простоватый, но производящій хорошее впечатлѣніе, несмотря на упорное стремленіе его строителя все испакостить мѣщанскими, вычурными воротами.

За чужими, приземистыми дредноутами, высокими многотрубными крейсерами и стайкой миноносцевъ мы увидѣли крошечную яхту подъ Андреевскимъ флагомъ.

Это былъ «Лукуллъ» генерала Врангеля, столь же благороднаго и стойкаго на чужбинѣ, сколь храбрымъ и честнымъ онъ былъ въ Крыму.

Мы сняли шляпы и замахали платками.

Далѣе все разнообразнѣе, ярче становилась природа, все мельче и бѣднѣй людскія выдумки.

Но вотъ рѣзкій поворотъ. На европейскомъ берегу острый каменистый выступъ, на его верхушку забралась осанистая круглая башня. Это былъ послѣдній этапъ турецкаго окруженія Византіи--замокъ Румелли--Гиссаръ. Одна могучѣе другой выростали его башни и стѣны, спускаясь къ самому морю. Около нихъ разсыпались бѣленькіе могильные столбики, напоминавшіе о принесенныхъ жертвахъ.

Здѣсь самое узкое мѣсто пролива. Мѣ были у скалъ. видѣвшихъ Дарія, Ксенофонта, Крестоносцевъ, Магомета-Завоевателя.

— Эхъ, скоро ли мы дружески простимся съ этимъ красавцемъ-замкомъ, возвращаясь въ Россію? спросилъ художникъ.

Когда не знаю, вздохнулъ полковникъ, но ни минуты не сомнѣваюсь, что, какъ мы сейчасъ, то ближе къ Азіи, то скользя у самаго европейскаго берега, Россія скоро пойдетъ впередъ, твердо держа свой курсъ, при такомъ же свѣжемъ вѣтрѣ, разогнавъ темъ всю нечисть и гниль.

— Каждый думаетъ, продолжалъ онъ, что мы ужъ Богъ знаетъ, какъ давно на чужбинѣ, а на самомъ дѣлѣ большевики летятъ въ бездну со страшной быстротой. На такое творческое безсиліе соціалистовъ я признаться и не разсчитывалъ...

— Вернемся скоро, поддержалъ его священникъ. Насъ выгнала не революція, а смута, и кончится она, какъ и триста лѣтъ тому назадъ созданіемъ національнаго государства.

Отъ большевиковъ не останется и слѣда.

— Да. но послѣ нихъ мы найдемъ пустыню. — возразилъ художникъ.

— Многомилліонный народъ исчезнуть не можетъ, запротестовалъ судья. Россія выживетъ и вернется къ культурно-государственному творчеству.

— Какая Россія? иронически спросила одна изъ дамъ: царство нищихъ, звѣрей и калѣкъ?

Судья разсердился: — все это истерика. сказалъ онъ, — вѣсти о голодѣ заставили васъ совсѣмъ потерять самообладаніе. Многіе погибаютъ и погибнутъ,

мы въ безсиліи ломаемъ себѣ руки, но оставшіеся въ деревнѣ, въ городѣ, въ арміи, прозрѣвшіе, изголодавшіеся по настоящей работѣ неудержимо бросятся строить новую, бѣлую Россію.

Вѣдь въ послѣдніе годы, продѣлана огромная работа по укрѣпленію въ головахъ милліоновъ элементарныхъ понятій государственности и такъ называемаго буржуазнаго строя. Доказательствами отъ противнаго этому содѣйствовали и сами большевики.

— Въ это я плохо вѣрю, — сказала начавшая споръ дама — и пока въ Россіи не будетъ монархіи, меня туда калачемъ не заманишь.

— Государь Императоръ будетъ вновь царствовать на Руси, спокойно отвѣчалъ ей судья. Несмотря на всѣ ошибки нашихъ нетерпѣливыхъ монархистовъ и преступленія лѣвой интеллигенціи будетъ непремѣнно.

— Вотъ ужъ съ больной головы на здоровую возмутилась его сосѣдка.

— Нисколько, — возразилъ судья, — къ сожалѣнію, до сихъ поръ у насъ многіе на понимаютъ, какой огромный процессъ исцѣленія долженъ завершиться въ странѣ, прежде чѣмъ мы будемъ имѣть право присягнуть за себя и дѣтей нашихъ на вѣрность Новому Императору Всероссійскому, Верховному Вождю и Правителю величайшаго въ мірѣ государства съ сотней милліоновъ вѣрноподданныхъ гражданъ, а не усмиренныхъ каленнымъ желѣзомъ и голодомъ дикихъ звѣрей.

Возстановленіе монархіи требуетъ колоссальнаго напряженія всѣхъ культурныхъ силъ страны, огромнаго нравственнаго подъема и возможно только въ годы національнаго возрожденія.

Увы, это понимаютъ далеко не всѣ, и среди непонимающихъ не мало именующихъ себя монархистами.

— Но вы не отчаивайтесь, наперекоръ всѣмъ монархія въ Россіи будетъ и надъ ея возстановленіемъ дружно будутъ вмѣстѣ работать интеллигенція и крестьянство.

— Читайте лѣвыя газеты. Вѣдь основной тонъ

всѣхъ республиканскихъ газетъ, это отсутствіе вѣры въ русскую республику. Онѣ знаютъ, что революціонный пиръ на весь міръ кончился и что возстановленіе государственности возможно у насъ только при монархіи. Это прекрасно понимаютъ и всѣ, кто поумнѣй въ Москвѣ, въ Парижѣ, въ Лондонѣ, гдѣ хотите.

— И лучшее тому доказательство, — вставилъ докторъ, — это наша сегодняшняя прогулка по Босфору. Вѣдь, если бы была хоть малѣйшая надежда въ возможность одѣть Россію въ демократическій фракъ, уже давно бы не существовало всѣми брошенныхъ, одинокихъ русскихъ бѣженцевъ. Мѣ были бы съ вами дома, правда, такіе же несчастные, жалкіе, зато окруженные многочисленными друзьями.

Но... Хорошо сшитый фракъ съ чужого плеча лопнулъ по всѣмъ швамъ. Приходится ждать, когда отечественный портной сошьетъ мундиръ.

— А что же будетъ сейчасъ послѣ большевиковъ? -- не унималась одна изъ дамъ.

— Анархія, конечно, — отвѣчалъ судья, — она уже началась.

-— А затѣмъ?

Дальше очень многое будетъ зависѣть отъ многихъ причинъ, намъ неизвѣстныхъ. Большое значеніе я придаю настроеніямъ культурныхъ слоевъ,--во время не поумнѣютъ, переживемъ демократическія присѣданія передъ Европой и самостійническій разгулъ, но народъ скоро раскуситъ, въ чемъ дѣло и сброситъ со своихъ плечъ и «лѣвыхъословъ» и «уѣздныя» правительства.

Окажется интеллигенція на высотѣ, тогда скорѣе подъ ея руководствомъ, безъ заговоровъ, дастъ Богъ, безъ обиванія чужихъ пороговъ, все что осталось честнаго въ странѣ, при поддержкѣ церкви и арміи, дружными усиліями разломаетъ всѣ препятствія и расчиститъ мѣсто для Императорскаго престола.

Новаго Государя призоветъ народъ. Вмѣстѣ съ честными и сильными «лучшими людьми» будетъ строить онъ заново великое національное государство.

Какъ отъ электрической искры, вздрогнетъ стра-

на, и на всемъ ея необъятомъ раздольѣ закипитъ дружная работа.

— Значитъ, рѣшающее значеніе вы придаете интеллигентской, конституціонно-монархической партіи?— спросилъ докторъ.

— О, нѣтъ, отвѣчалъ судья. Политическія партіи большой роли играть не будутъ. Къ нимъ нѣтъ довѣрія у народа.

— Я уже не говорю о лѣвыхъ организаціяхъ, работающихъ на краденное золото и успѣвшихъ обрости за-границей высскими навозными кучами.

Повидимому, первыя роли будутъ принадлежать церковнымъ приходамъ, арміи, крестьянскимъ волостнымъ и сельскимъ организаціямъ.

Кромѣ національнаго инстинкта, укрѣпленнаго всей исторіей, на сторонѣ монархіи будетъ огромный нравственный авторитетъ, поднявшійся за годы революціи на недосягаемую высоту и сознаніе, что только Государь Императоръ можетъ стать выше классовыхъ и племенныхъ интересовъ. Россія стосковалась по соціальному миру, по соціальной правдѣ. Вѣдь больше всего республиканцы подорвали свой моральный авторитетъ именно пресмыкательствомъ передъ прихотями узко-классоваго самодурства.

— Вы забыли, сказалъ полковникъ, еще указать что только Императоръ можетъ спасти насъ отъ тяжкой экономической кабалы, заставивъ всѣ классы работать на благо національнаго государства. Борьба за экономическую самостоятельность будетъ одной изъ самыхъ трудныхъ.

—Вы совершенно правы, согласился судья. Только вѣдь мы отъ природы такъ безконечно богаты, что я не сомнѣваюсь — Россія оправится со сказочной быстротой и снова станетъ Великой и Единой.

— А какъ же мы то, со своимъ правительствомъ, казачьими вольностями и привиллегіями?, засмѣялся офицеръ, котораго въ шутку дразнили самостійникомъ.

— Презабавные вы люди, отвѣчалъ полковникъ, подсаживаясь къ нему и закуривая.

Меня всегда удивляло, какъ вы не поймете про-

стой, безспорной правды: только единая, сильная Россія можетъ позволить себѣ роскошь децентрализаціи областныхъ автономій. Только она обезпечитъ за всѣми населяющими ея долины и холмы народностями свободу національнаго развитія. А борясь за слабую разбитую на части Россію, вы боролись за полицейское, централистическое государство, въ которомъ неизбѣжны еврейскіе, армянскіе и др. погромы и немыслимы никакія автономіи.

— Вотъ тебѣ разъ! недоумѣвалъ самостійникъ.

— Но вѣдь это такъ, продолжалъ полковникъ, будьте прежде всего вѣрноподданными русскаго Императора, а затѣмъ малороссами, украинцами, если это вамъ такъ хочется, кубанцами, донцами, и тогда никто не посягнетъ на ваши вольности, не отниметъ у васъ правъ на самоуправленіе.

И дальше: чѣмъ сильнѣе у васъ будетъ чувство имперскаго единства, тѣмъ больше правъ вамъ передовѣритъ центральная власть. Вѣдь выше мелкихъ самолюбій, выше мѣстныхъ интересовъ можетъ стать только Императорская власть. Только Государь всѣхъ разсудитъ, успокоитъ, умиротворитъ.

Это вѣрно и по отошенію къ другимъ. Возьмемъ, напримѣръ, евреевъ. Зло, причиненное русскому народу евреями коммунистами и соціалистами не поддается никакому учету. И опять таки, только Императоръ Великой и Могучей Россіи можетъ обезпечить прочное спокойствіе и національный миръ на югѣ Россіи. Если, не дай Богъ, опять хоть на два мѣсяца пожалуетъ „генералиссимусъ Петлюра" или кто нибудь изъ родственниковъ Керенскаго, рѣки еврейской крови зальютъ города и мѣстечки. Вѣдь революціонно-демократическая власть не можетъ не быть слабой. Она не въ состояніи позволить себѣ роскошь не пресмыкаться передъ чернью.

Другое дѣло созданная дружными усиліями вѣрущихъ, арміи, интеллигенціи и крестьянства Великая Монархія, крѣпко спаянная идеями государственнаго національзма. Она будетъ благородна, многомилостива и великодушна.

Вѣдь русскіе націоналисты всегда учили:

« Расцвѣтъ великаго народа
Не въ разрушеніи, не въ крови
Гдѣ Духъ Господенъ - тамъ свобода,
Тамъ сила Творческой Любви. »

— Провокацій слѣва будетъ достаточно, но въ правый большевизмъ я все таки не вѣрю, сказалъ инженеръ. Имъ нарочно пугаютъ своихъ наивныхъ читателей лѣвыя газеты. Церковь и кроткій образъ замученнаго Императора удержатъ русскихъ людей отъ безпощадной мести и новыхъ потоковъ крови. Послѣ пережитыхъ ужасовъ у народа крѣпнетъ желаніе избѣгать столкновеній. „Худой миръ лучше доброй ссоры“, мы не злопамятны. Это наша національная черта. Пусть только умѣрятъ свою ненависть тѣ, кто распоясался въ дни революціи и большевизма. Пусть они съ уваженіемъ отнесутся къ нашей вѣрѣ, къ національнымъ идеямъ и государственности, и тепло, уютно и привольно заживется всѣмъ въ новой Императорской Россіи...

— И красиво, какъ здѣсь, — подхватилъ художникъ, показывая направо.

Кругомъ было дѣйствительно великолѣпно. Причудливо изогнутыя долины, овалы, гордые холмы въ безконечномъ разнообразіи тѣснились къ морю, переплетаясь съ зелеными зарослями, пепельно-коричневыми обрывами и сѣрыми скалами. Море сверкало и слѣпило глаза. Вдругъ художникъ вскочилъ и замеръ, издавъ странный, сдавленный крикъ.

Мы бросились къ нему и поняли все: передъ нами было самое красивое, самое дорогое.

Берега разступились, прямо впереди синѣла узенькая полоска. Ворота кончились. Мы стояли на порогѣ Россіи. Это было оно, наше родное, много разъ обагренное русской кровью Черное море.

Никто не рѣшался сказать ни одного слова. Только упрямо, громко стучало сердце, что то стискивало виски, и мозгъ сверлила безумная мысль: мы должны нестись прямо туда, къ страдающимъ, опозореннымъ, жаждущимъ избавленія...

Рѣзкій свистокъ вернулъ насъ къ дѣйствительности. Пароходъ шелъ къ берегу.

Черное море скрылось.

Кругомъ сіяла чужая, нарядная красота.

СОДЕРЖАНІЕ.

———————

ГОТОВИТСЯ КЪ ПЕЧАТИ

НОВАЯ КНИГА:

ВАЛЕРІЙ ЛЕВИТСКІЙ.

„БОРЬБА НА ЮГѢ“.

(КІЕВЪ, ОДЕССА, ЕКАТЕРИНОДАРЪ РОСТОВЪ, НОВОРОССІЙСКЪ, СЕВАСТОПОЛЬ).

ФАКТЫ, ЛЮДИ, НАСТРОЕНІЯ.

